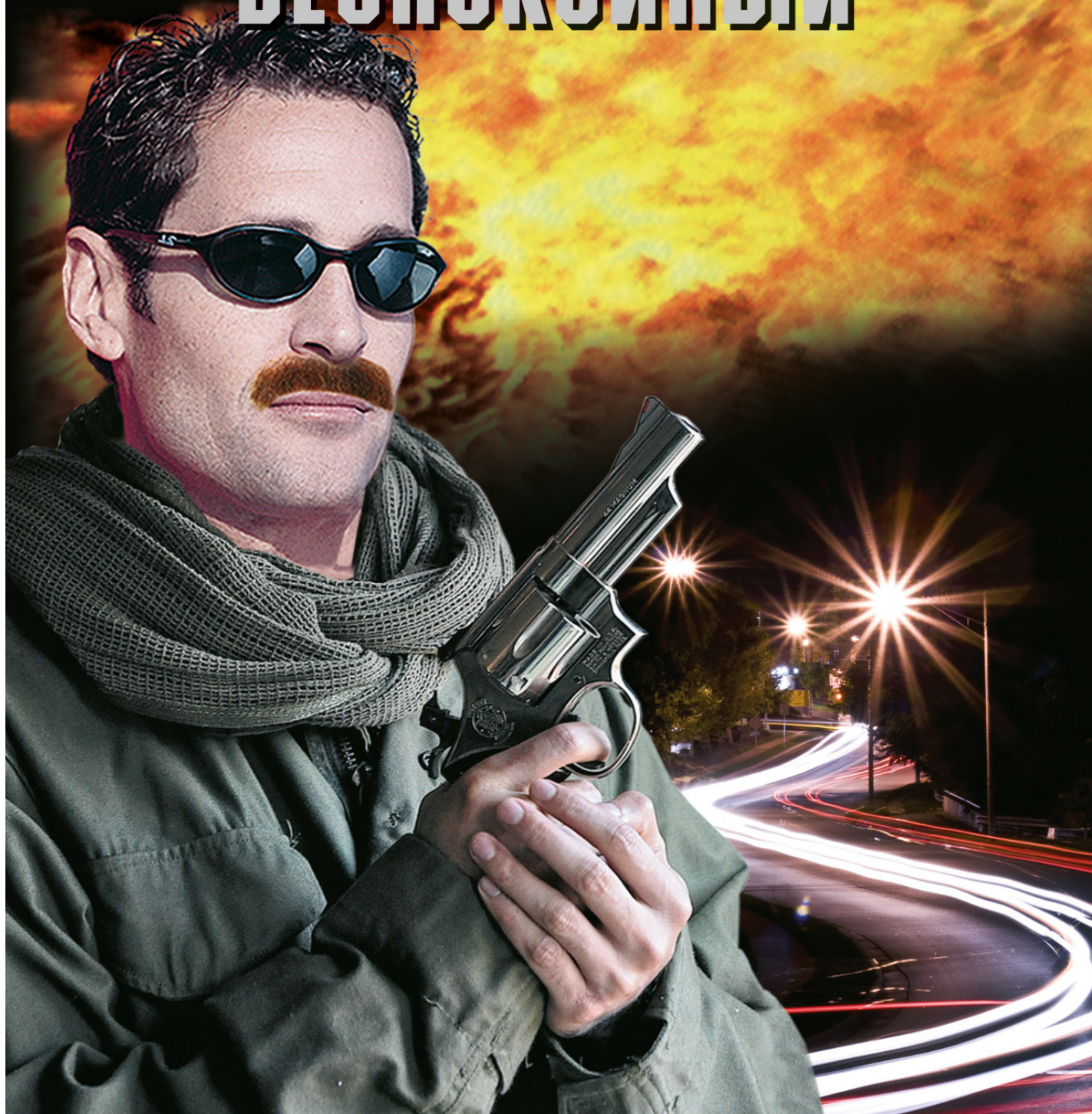

АНДРЕЙ ВОРОНИН

МАКСИМ ГАРИН

КОМБАТ

БЕСПОКОЙНЫЙ

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. Беспокойный

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Комбат. Беспокойный / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Комбат)

ISBN 978-985-16-8909-1

Бывший командир десантно-штурмового батальона Борис Рублев узнает о таинственном исчезновении своего боевого друга Сергея Казакова и сразу же бросается на поиски. Подозревая, что Серега мог стать жертвой черных риелторов, он начал поиски в этом направлении. Но нити этого преступления потянулись гораздо дальше — за тысячу километров от Москвы, к старому (времен Второй мировой) немецкому бункеру. Узнав от чудом спасшегося Сергея страшную правду, трое бывших десантников проникают в бункер...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-8909-1

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Воронин

Комбат. Беспокойный

© Подготовка и оформление Харвест, 2010

Глава 1

Под утро ему опять приснился тот бой, который, как порой начинало казаться при беспощадном свете дня, стал пиком, наивысшей вершиной, которой ему удалось достигнуть в жизни. Все, что происходило с ним до той кровавой бойни на горном серпантине, было просто подготовкой к главному дню его жизни. А все, что случилось потом – и хорошее и плохое, – уже не могло сравниться с событиями того дня ни по накалу страстей, ни по значимости. Потом он просто жил – служил, воевал, встречался с семьей, прощался с семьей, снова воевал, получал очередные звания и боевые награды, не особенно задумываясь о том, куда движется и что ждет его в конце этого пути. Ему казалось, что он идет, как положено, вперед и вверх; пребывая в плену этой губительной иллюзии, он шагал широко и бодро, торопил события и не замечал, что бежит, все время наращивая темп, под уклон, к краю бездонной пропасти.

Потом, когда он уже сорвался с этого края и отправился в свободный полет, ему часто приходило в голову, что в том бою ему полагалось погибнуть. Обойти «духов» с правого фланга, преодолев участок, считавшийся непроходимым, ударить с тыла и уничтожить минометы, не дававшие ребятам поднять головы, – это был приказ. А выжить – это уже была личная просьба. Именно просьба, потому что командир был отличный мужик и никогда не отдавал невыполнимых приказов. А этот приказ – выжить там, где выжить нельзя, вопреки логике и здравому смыслу, – как раз и обещал стать невыполнимым. Иное дело – дружеская просьба. Он тебе: я, конечно, все понимаю, но ты все-таки постарайся вернуться живым. А ты ему: постараюсь, Иваныч, но обещать не могу – сам видишь, каким боком оно все оборачивается...

Вот он и постарался – совершил невозможное, спас полторы сотни солдатских жизней и выжил сам. Первое было правильно и в высшей степени похвально. А вот без второго, как показали дальнейшие события, лучше было обойтись. По принципу: «Сделал дело – гуляй смело»...

Наверное, именно поэтому тот бой стал так часто ему сниться в последнее время. Измученный дневными мыслями мозг даже во сне не мог отделаться от наваждения, вертя события многолетней давности так и этак, меняя детали, лица и последовательность событий, как будто пытался отыскать путь в прошлое и изменить то, что изменению не подлежит. И порой начинало казаться, что, если во сне его все-таки убьют, он уже не проснется. Смерть его ничего не изменит и никого не вернет, но какое, черт возьми, это будет облегчение!

На этот раз сон получился какой-то совсем уже фантастический, бредовый. Как это почти всегда бывает во сне, он точно знал, что именно видит: это был тот самый бой, после которого его представили к званию Героя, но звезды не дали – почему, он так никогда и не узнал. Бой был тот самый, но происходил на этот раз почему-то не в горах Северного Афганистана, а на какой-то московской окраине – ущелье улицы, как обломками скал, загроможденное брошенными автомобилями, и отвесные стены многоэтажных домов, на крышах которых засели вооруженные до зубов «духи». В этом сне они окружили командира со всех сторон, и нужно было спешить на выручку, но ноги вдруг сделались непослушными, а автомат в руках превратился сначала в деревянный муляж, а потом в детскую игрушку из дрянной пластмассы, которая прямо на глазах начала плавиться, течь и разваливаться на куски. Он рванул с пояса гранату, обнаружил, что держит в ладони грязный, лопнувший по шву теннисный мячик, и закричал зубами от бессилия...

Он проснулся от собственного крика и еще какое-то время лежал на спине, понемногу приходя в себя и с отстраненным любопытством случайного свидетеля наблюдая за тем, как облегчение, испытанное при виде знакомых обшарпанных стен, привычно уступает место тоскливому разочарованию: опять проснулся, и опять живой. Значит, впереди новый день, ничем

не отличающийся от вчерашнего и множества других дней, таких же пустых, никчемных и ненужных...

В квартире уже было светло, за окном громко чирикали воробьи, шаркала метла знакомого дворника-таджика, на стене у двери лежал косой четырехугольник солнечного света. Свет еще не утратил розоватого оттенка, из чего следовало, что время раннее – в самый раз закрыть глаза и придавить еще минуток двести-триста. Клубившийся в тяжелой, как дубовая колода, голове похмельный туман располагал к тому же, но засыпать было боязно.

Его сны напоминали программу передач какого-нибудь занюханного кабельного телеканала, который крутит одни и те же фильмы в одной и той же очередности до тех пор, пока даже самого терпеливого зрителя не затошнит от этой карусели. «Канал», угнездившийся внутри его черепной коробки, не баловал своего единственного зрителя разнообразием и широтой репертуара: по нему показывали всего два фильма, всегда один после другого. И теперь, после странной трансформации, которую претерпел первый сон, закрывать глаза и смотреть, во что превратился второй – об автомобиле, в котором счастливая семья погожим апрельским утром отправилась на загородную прогулку, – было по-настоящему страшно.

Наблюдая, как луч рассветного солнца, едва заметно перемещаясь по стене, меняет окраску, становится белее, ярче и растворяется в режущем свете наступающего ясного, солнечного, ненужно и неуместно радостного утра, он пошарил рукой справа от себя в поисках сигарет. С захламленной тумбочки на пол упала пустая бутылка, посыпался какой-то мелкий мусор. Переполненная пепельница с глухим стуком ударилась о грязные доски и откатилась в угол, рокоча, как роликовая доска на неровной мостовой, и щедро разбрасывая по пути пепел и сморщенные окурки. В криво надорванной пачке осталось всего две сигареты, причем одна из них оказалась на треть высыпавшейся. Он закрутил краешек пустой бумажки жгутиком, чтобы не просыпать остальное, и сунул сигарету в зубы, стараясь не обращать внимания на то, как позорно и страшно трясутся руки.

Дрожащая ладонь снова захлопала по пыльной крышке тумбочки, отыскивая зажигалку. На пол опять что-то посыпалось; он нащупал штопор, который, как смутно помнилось, так и не сумел разыскать накануне вечером, и раздраженно отпихнул его в сторону. Зажигалка никак не находилась; в конце концов ему все же пришлось сесть и продолжить поиски, задействовав органы зрения, а заодно и вторую руку.

Наконец зажигалка нашлась – не на тумбочке и не на замусоренном полу рядом с ней, а под подушкой. По ходу поисков обнаружилось, что за ночь матрас, на котором он спал, украсился еще одной подпалиной, на этот раз весьма приличных размеров и почти сквозной, из чего следовало, что он опять уснул с зажженной сигаретой и едва не сгорел заживо во сне. Кое-как разобравшись, что да как, он понял, чему обязан своим спасением, и это стало, пожалуй, самым неприятным открытием, сделанным за последние несколько лет.

Он знал, что стремительно опускается, и ничуть не переживал по этому поводу. На него всем было наплевать, и в самую первую очередь – ему самому. Он лишь надеялся, что организм не выдержит такой жизни и откажет раньше, чем наступит окончательная деградация, – как теперь выяснялось, надеялся совершенно напрасно. Здоровье у него всегда было железное, и теперь, несмотря ни на что, сердце, печень и прочие жизненно важные органы продолжали работать почти нормально. А вот периферия – то, что один его знакомый в шутку именовал «навесным оборудованием», – начала потихонечку сдавать. Что руки по утрам трясутся и перед глазами все плывет – это еще полбеды. Но мочиться в постель – нет, ребята, чего-чего, а этого он от себя не ожидал, на это не рассчитывал. И, что смешнее всего, произошло это как раз в тот момент, когда ему почти удалось себя угробить. Еще бы чуток – и задохнулся бы в дыму, а потом спокойно обуглился до прибытия вызванных соседями пожарных. Смерть, спору нет, не шибко красивая, но на войне он насмотрелся еще и не такого, да и мертвому, надо полагать, глубоко безразлично, в каком виде он достанется червям...

Но что толку думать о том, что могло бы быть, если бы организм, пропади он пропадом, не задействовал встроенную в него матерью-природой систему пожаротушения? Мертвому все равно, а вот живому, увы, до сих пор тяжело и стыдно, проснувшись, обнаружить, что во сне с ним приключилась такая вот неприятность...

Цирк, подумал он, чиркая колесиком одноразовой зажигалки. Шапито! Это как с той гранатой: в пересказе звучит как анекдот, а если вдуматься – ну ничего же смешного!

...Во сне все и впрямь основательно перепуталось. На самом-то деле окружили в тот раз не командира, а его. Ребята, которые вызвались пойти с ним в ту отчаянную вылазку, полегли все до последнего. От минометной позиции, которую они штурмовали, осталось только грустное воспоминание – курящиеся тротильным дымком воронки среди камней, разбросанные трупы и куски тел, россыпи стреляных гильз и искореженное, ни на что не годное, припорошенное каменной крошкой и пылью оружие. Он остался один, а их все еще было десятка полтора, если не все два, и кто-то ударил его сзади прикладом по голове, а кто-то еще, изрыгая основательно исковерканный русский мат, передернул затвор «калаша» и прицелился в него, валяющегося на камнях, как мешок с трухой. И тут снизу, со стороны дороги, прилетела та самая граната. Ребята потом в один голос утверждали, что ее метнул командир, но об этом было нетрудно догадаться и без свидетельств очевидцев: бросить гранату на такое расстояние с такой силой и точностью, да еще снизу вверх, мог только один человек.

Стальное яйцо ударило «духа» в висок чуть пониже засаленной чалмы, на пыльную бороду хлынула темная кровь, и дочерна загорелый дехканин умер, не успев даже удивиться, за секунду до того, как отскочившая напрямик в пулеметную ячейку граната взорвалась, разорвав в клочья еще двоих душманов.

Они потом часто вспоминали этот случай, и всегда со смехом: дескать, Иваныч в своем репертуаре, от него еще и не такого можно ожидать. Разумеется, граната попала «духу» в висок совершенно случайно – так же, как сегодня ночью он совершенно случайно потушил тлеющий матрас. Эти нелепые случайности дважды спасли ему жизнь, и оба раза это было сделано напрасно. Не будь гранаты, его бы обязательно пристрелили, и тогда не случилось бы той семейной загородной прогулки на только что приобретенном с рук подержанном автомобиле. А сегодняшний случай, хоть уже и не имел такого важного, судьбоносного значения, служил лишним подтверждением тому, что жить ему, такому, решительно незачем. Мало, что ли, в городе-герое Москве потерявших человеческий облик алкашей?!

Зажигалка никак не хотела работать. Взглянув на нее, он убедился, что внутри не осталось ни капли газа, но по инерции еще раз крутанул большим пальцем колесико. На этот раз не получилось и искры: стертый до тончайшей пластинки кремнь высочил и мгновенно затерялся среди усеивающего пол мусора, рубчатое колесико неприятно заскрежетало по железу и застряло.

– Хреново, – произнес он, имея в виду не что-то конкретное, а ситуацию в целом.

Да, хреново было все, в том числе и его голос – сначала хриплый, как будто исходил не из человеческого горла, а из звериной глотки, а потом сорвавшийся на какой-то сиплый писк.

Он небрежно швырнул зажигалку на тумбочку, и та немедленно свалилась на пол. Поднимать ее он, конечно же, не стал, поскольку она была не хуже и не лучше всего остального мусора. Он с усилием поднялся, заставив заскрипеть продавленные пружины, немного постоял, ловя ускользающее равновесие, а затем, покачиваясь, разгребая босыми ногами сор, в съехавших, мятых, все еще сыроватых трусах побрел на кухню.

Спал он в большой комнате. Две другие комнаты, спальня и детская, стояли запертыми на ключ уже четвертый год. Он не заглядывал туда с тех самых пор, как, выписавшись из больницы после той автомобильной прогулки, врезал в двери замки. Кажется, он собирался еще и выбросить ключи, но теперь никак не мог припомнить, осуществил ли тогда это намерение. Впрочем, теперь, по прошествии трех с лишним лет, это уже не имело никакого значения: если

ключи и остались дома, он все равно не представлял, где, в какой части квартиры, в каком захламленном углу, их искать. Да и кому это надо – искать? Если у этой берлоги со временем появится новый хозяин, пускай решает эту проблему по своему разумению, а Сергей Казаков в эти комнаты не ходок. Чего он там не видел?

Плита с электрическим розжигом, как уже неоднократно случалось, с успехом заменила зажигалку. Газ, электричество, вода и прочие блага цивилизации в квартиру поступали исправно: он давным-давно поручил банку, через который получал пенсию, осуществлять за него коммунальные платежи. Он не хотел потерять квартиру – не потому, что дорожил золотой столичной жилплощадью, а просто потому, что знал, как выглядит, какое впечатление производит на людей, и не испытывал ни малейшего желания агонизировать у всех на виду. Он, как многие животные, предпочитал умирать в одиночку, подальше от чужих глаз, в каком-нибудь темном углу, и квартира подходила для этого не хуже любого другого места. Тут, с его точки зрения, все было вполне логично: если угол, в который ты можешь забиться, чтобы наконец околеть, уже имеется, зачем терять его и хлопотать, отыскивая другой? Да и по счетам, как ни крути, платить надо. Твоя смертельная схватка с собственной печенью – твое личное дело, но на кой ляд приплетать сюда еще и кредиторов? Не платить того, что должен, – значит красть, а в роду Казаковых воруя испокон веков не водилось...

Прикуривая от конфорки, он потерял равновесие и едва не упал, но старые рефлексy еще были живы, и в последнее мгновение ему удалось остаться на ногах, упершись руками в край плиты. Организм сдавал, но это происходило чересчур медленно: он все еще был здоров и силен, как племенной бык. С полгода назад, зимой, в один из периодов полного, отчаянного безденежья, он повздорил из-за пустых бутылок с компанией бомжей, которые пытались прогнать его с помойки на том основании, что это, видите ли, их законная территория. Он тогда был немного не в себе и, опасаясь кого-нибудь убить или покалечить, просто ударил кулаком по стенке мусорного контейнера. Железо вмялось вовнутрь, как картон, «конкуренты» почли за благо молча ретироваться, а он уже не впервые подумал, что избрал далеко не лучший, чересчур затяжной и отнюдь не самый верный способ самоубийства...

Липкая, захватанная бутылка с криво отбитым горлышком стояла на подоконнике. Горлышко он отбил вчера, не найдя штопора, – отбил, судя по некоторым признакам, выражавшимся в болевых ощущениях, ребром ладони. Бутылка, естественно, была далеко не первая за день и явно лишняя. В противном случае и штопор нашелся бы, и воспоминание о том, как он ее открывал, сохранилось бы. А главное, на дне бутылки тогда не осталось бы вина, которого на глаз там было еще добрых полстакана.

Посасывая зажатый в уголке рта короткий бычок и шуря глаз от разъедающего роговицу дыма, он шагнул к окну и взял бутылку в руку. Мысль, похожая на отчаянную попытку сорвавшегося в пропасть человека на лету ухватиться за торчащий из расселины скалы древесный корень, – повернуться к раковине и выплеснуть эту дрянь туда – мелькнула и исчезла точно так же, как исчезает призрачная надежда остановить смертельное падение, когда вместо спасительного корня пальцы судорожно хватают пустоту. Бывший ротный командир десантно-штурмового батальона ВДВ, капитан запаса Сергей Сергеевич Казаков решительно затушил окурок о подоконник и трясущейся рукой поднес посудину с остатками портвейна ко рту.

Бутылка ходила ходуном, торчащий на месте отбитого горлышка стеклянный клык с острыми как бритва краями плясал в опасной близости от губ, вызывая из глубин памяти полузабытый анекдот о мальчишке, которому какой-то маньяк подменил губную гармошку на бритву: мальчик играет и улыбается, а улыбка все шире и шире...

В последнее мгновение разум все-таки возобладал над жаждой, и Сергей со второй попытки ухитрился поставить бутылку на стол, не опрокинув ее и не расплескав ни капли драгоценной влаги. Стол был сплошь заставлен грязной посудой, усеян заплесневелыми, ссохшимися до каменной твердости объедками и густо припорошен сигаретным пеплом. Он пребы-

вал в таком состоянии не первую неделю, а если хорошенько подумать, так, пожалуй, уже и не первый год. Когда у Казакова возникала нужда в чистой тарелке, ложке или стакане (чаще всего это был именно стакан), он просто брал необходимый предмет со стола и споласкивал под краном.

Самый чистый из имевшихся в наличии стаканов отправил бы в глубокий обморок даже опытного, досыта навидавшегося всякой всячины санитарного инспектора. Казаков вытряхнул из него коричневые окаменелые окурки, сполоснул под струей холодной воды и вернулся к столу. В ходе непродолжительной гигиенической процедуры былая прозрачность к стакану, естественно, не вернулась; липкий коричневатый налет на доньшке никуда не делся, как и присохший к нему черными комками сигаретный пепел, но это уже были мелкие детали, на которые ничего не стоило закрыть глаза.

Бутылка дробно застучала о край стакана; Казаков отдернул трясущуюся руку, перевел дыхание, стиснул зубы и повторил попытку. На этот раз ему удалось перелить остатки портвейна из разбитой бутылки в стакан, пролив всего ничего – граммов десять, не больше. Рука тряслась так, что, когда он поднес стакан ко рту, тот громко и довольно чувствительно ударился о передние зубы.

– С-с-сука, – процедил Сергей и с отвращением высосал чересчур сладкое вино.

Поставленный на место нетвердой рукой стакан упал на бок и покатился по столу.

– Дерьмо, – сказал Казаков.

Большого облегчения принятое «лекарство» не принесло, но голос к нему, по крайней мере, вернулся. Поскольку спиртного в доме больше не было ни капли, отставной капитан решил выпить кофе. Он уже давненько не пил ничего, кроме алкоголя да иногда, когда сильно донимало утреннее обезвоживание организма, отдающей железом и хлоркой воды из-под крана, в связи с чем ему подумалось, что сегодня утро странных идей. А впрочем, когда просыпаешься однажды с разламывающейся головой и обнаруживаешь, что во сне обмочился, как последняя подзаборная рвань, самое время сменить стиль жизни. Может быть, и впрямь стоит притормозить, протрезветь хоть немного, оглядеться по сторонам и придумать что-то более эффективное, раз уж стало ясно, что упиться до смерти никак не получается?

Никакого кофе на кухне, как и следовало ожидать, не оказалось. Казаков повторил операцию с прикуриванием сигареты от плиты, отметив про себя, что курева не осталось тоже. Сняв в кулаке картонную пачку, он сунул ее в мусорное ведро. Пачка была разрисована камуфляжными разводами и пятнами; сигареты назывались «Комбат», стоили копейки и драли глотку, как наждачная бумага. Жадно втягивая в себя горький дым, от которого тошнота и головная боль только усиливались, Сергей постепенно привыкал к мысли, что придется, как ни крути, привести себя хотя бы в относительный порядок и, что называется, выйти в люди – купить сигарет, какой-никакой еды и кофе. Или вина?..

«Кофе», – решил он, бросил зашипевший окуроч в пустую бутылку с отбитым горлышком, слез со стола, на котором сидел, пошатнулся, восстановил равновесие и направился в ванную – отмываться, бриться и менять белье, твердо зная при этом, что сделанный выбор между пачкой молотого кофе и бутылкой дешевой плодово-ягодной бормотухи еще далеко не окончательный.

* * *

Погрузка окончилась. Тесноватый погрузочный терминал очистился, тяжелая, как в противоатомном убежище, стальная дверь, ведущая на жилые уровни, закрылась со сдержанным лязгом. Коротко взвыл электромотор, и несокрушимые стальные ригели глубоко вошли в гнезда, наглухо запечатав отсек. Человек, одетый и экипированный, как спецназовец, выполняющий боевую задачу в зоне радиоактивного или химического загрязнения, хлопнул рукой в

резиновой трехпалой рукавице по красному кругляшу кнопки, и железные створки, прикрывающие сверху кузов вагонетки, начали неторопливо смыкаться, немного напоминая закрывающуюся после ленивого зевка беззубую прямоугольную пасть. Их замедленное, немного судорожное, как это бывает у старых механизмов, движение сопровождалось негромким жужжанием электрического сервомотора, на которое человек в защитном костюме и респираторе с прозрачной лицевой пластиной не обращал ни малейшего внимания. Жизнь здесь была наполнена подобными звуками, отличавшимися друг от друга лишь громкостью и высотой тона. Зудящий гул вращающихся роторов, пистонные щелчки контактов, лязг и громохание металлических деталей и гудение ламп дневного света сопровождали здесь едва ли не каждый человеческий шаг, независимо от того, направлялись вы в командный пост, в жилой отсек или, скажем, в отхожее место.

Разрисованные косыми черно-желтыми полосами створки сомкнулись с коротким лязгом, скрыв от посторонних взглядов груз. Никаких посторонних взглядов тут не было и не предвиделось, но таков был порядок. Заразы, из-за которой стоило бы париться в общевоинском защитном комплекте, как и противника, ради которого имело бы смысл напяливать поверх химзащиты бронежилет и обременять себя оружием, не было тоже, но инструкцию надлежало выполнять от «А» до «Я», потому что: а вдруг?..

Человек, похожий на персонаж, сбежавший прямым из какой-то фантастической постыдаерной антиутопии, подошел к массивным, во всю стену, воротам из стали и бетона и перебросил рубильник. Отрывисто и душераздирающе закричала сирена, под потолком в такт ей замигали по очереди красная и зеленая лампы, забранные решетчатыми проволоочными колпаками. Взвыли и заурчали электромоторы, послышался протяжный скрежет, и несокрушимая, непробиваемо толстая плита ворот с рокотом и громоханием начала отъезжать в сторону. Сирена продолжала тревожно вскрикивать и кричать, по голым бетонным стенам со следами деревянной опалубки металась, сменяя друг друга, красные и зеленые отсветы сигнальных ламп. Проход открылся во всю ширину, плита с лязгом остановилась. Сирена замолчала, красная лампа погасла, а зеленая засияла ровным, обманчиво приветливым светом.

Человек задвинул за спину короткоствольный МП, встал на площадку позади вагонетки и передвинул рычаг хода вперед. Защелкали контакты, снова зажужжал электромотор, и вагонетка мягко тронулась. Пройдя створ ворот, она плавно затормозила, остановившись перед двумя вооруженными людьми в черных комбинезонах и бронежилетах, стоявшими по сторонам рельсового пути. Снятые с предохранителей автоматы были направлены на водителя вагонетки, глаза за пластиковыми забралами кевларовых шлемов смотрели холодно и непреклонно. Какому-нибудь праздношатающемуся шпаку в джинсах и очках все это показалось бы глупой игрой, особенно если бы упомянутый шпак знал, что вагонетка прошла через эти ворота в погрузочный терминал буквально четверть часа назад и что в свободное от службы время ее водитель пьет пиво, режется в карты и дружески болтает с охранниками.

Но среди присутствующих гражданских очкариков не было. Все трое точно знали: четкое исполнение должностных инструкций кажется делом скучным, обременительным и ненужным лишь до тех пор, пока события развиваются в штатном режиме. Но если что-то вдруг пойдет наперекосяк – о, вот тогда-то и настанет время всерьез поговорить о том, нужны или не нужны инструкции. Когда под ногами горит и взрывается земля, а с неба хлещет свинцовый ливень, соображать некогда, спасти могут только отточенные до автоматизма рефлексy и точное, вколотенное в подкорку знание того, куда тебе надлежит бежать и что делать. Да и вообще, людям в форме рассуждать не положено: есть приказ – выполняй, нет приказа – кури, но только в отведенном для этого месте и не превышая отпущенный лимит времени...

Водитель вагонетки предъявил одному из охранников пропуск, и тот изучил закатанную в прозрачный пластик карточку так внимательно, словно всерьез опасался подделки. Результаты изучения его, по всей видимости, удовлетворили: он сделал разрешающий жест рукой,

второй охранник задействовал механизм открывания ворот. Снова замигали лампы, закричали сирены, включились электромоторы, зарокотали по стальным направляющим массивные ролики. Ворота, из которых только что выехала вагонетка, начали закрываться; одновременно с ними начали открываться ворота в противоположной стене. Водитель снова сдвинул вперед расположенный под правой рукой рычаг, и вагонетка, тронувшись, покатила дальше мимо расступившихся и мгновенно утративших к ней интерес охранников.

За воротами открылся низкий квадратный тоннель из скучного серого железобетона, освещенный лампами дневного света в решетчатых защитных колпаках, через равные промежутки укрепленными на стенах. Вдоль стен тянулись пучки силовых кабелей в черной изоляции; понизу, справа и слева, шли узкие пешеходные дорожки, поднятые на полметра над уровнем пола. Рельсы, один из которых находился под напряжением в пятьсот вольт, поблескивали на дне неглубокого желоба. Тоннель то шел под уклон, то полого карабкался вверх; один плавный поворот следовал за другим, справа и слева то и дело возникали забранные ржавыми решетками устья закрытых, неиспользуемых боковых ответвлений. Воздух был сухой и прохладный; где-то вдалеке гудела мощная вентиляция, и вдоль тоннеля тянуло неосязаемым сквозь плотную резину защитного костюма ветерком.

Водитель, скучая, держался за рукоятку хода и равнодушно смотрел прямо перед собой на зеркально повторяющие друг друга повороты. Он привычно подавлял желание снять респиратор и закурить. Делу это повредить не могло никоим образом; видеонаблюдения в тоннеле тоже не было – по крайней мере, в этом, – и, не случись редкостного, фантастически маловероятного стечения несчастливых обстоятельств, о его мелком проступке никто никогда бы не узнал. Но даже незаряженное ружье раз в год стреляет, да и нарушения дисциплины и внутреннего распорядка – это как наркотик: стоит раз попробовать, и остановиться потом почти невозможно. Оставшись безнаказанным, мелкий проступок ведет к более серьезным нарушениям, а потом, независимо от того, насколько ты везуч, хитер и осторожен, неизбежно наступает расплата, которая на данном режимном объекте может оказаться куда более жестокой, чем выговор, разжалование или даже лишение свободы...

Подумав о расплате, водитель покосился на полосатые черно-желтые створки, скрывавшие груз. Вагонетка неторопливо катилась вперед, деликатно постукивая колесами по стыкам рельсов, под окрашенным в защитный цвет жестяным кожухом ровно гудел электромотор. Отблески ртутных ламп скользили по вороненому казеннику автомата и пластиковому щитку респиратора, убегая назад и снова возникая с механической размеренностью метронома.

Справа открылась ярко освещенная грузовая рампа, на которой сустились, перетаскивая какие-то плоские мешки, люди в серых рабочих комбинезонах. Стоящий у края рампы охранник с автоматом поперек живота сделал ленивый приветственный жест, и водитель вагонетки так же лениво приподнял руку в ответном приветствии. Освещенное пространство осталось позади, будто ножом обрезанное серой бетонной стеной со следами дощатой опалубки. Впереди был абсолютно прямой участок почти километровой длины, и водитель передвинул рычаг вперед еще на одно деление. Электромотор загудел громче, в его гуле появились характерные воющие нотки, и вагонетка ускорила ход.

Вскоре впереди замаячило квадратное устье тоннеля. Водитель сбавил обороты двигателя, движение замедлилось, и вагонетка с прежней солидной неторопливостью выкатилась в просторную рукотворную пещеру дока. Высокие своды, здесь уже не бетонные, а каменные, терялись в сумраке где-то над головой, так что человеку, не лишенному воображения, было бы легко представить, что никаких сводов нет, а там, наверху, находится затянутое плотными тучами ночное небо. Впрочем, человек, управлявший вагонеткой, ничего такого себе не представлял: под плотной резиной защитного комплекта на плечах у него были погоны старшего прапорщика, и чересчур развитое воображение не относилось к числу его недостатков. Старший прапорщик Палей точно знал, что над головой у него не небо, пусть себе и пасмурное, а

многие десятки метров скальной породы. То есть понятно, что небо тоже где-то там, сверху, но отсюда его не видать, так что и думать о нем незачем. Тем более что Господь Бог тоже вряд ли способен разглядеть, что творится здесь, внизу, через такую толщу камня и железобетона. И пусть его: меньше знаешь – крепче спишь.

В длинном прямоугольном бассейне дока было пусто. Там тихонько плескалась в такт дыханию моря и поблескивала, отражая свет ртутных ламп, черная, как сырая нефть, вода. Вдоль причальной стенки с чугунными тумбами кнехтов прохаживался с автоматом поперек живота часовой. Широкий вертикальный блик, лежавший на плексигласовом забрале шлема, мешал разглядеть его лицо; впрочем, личного состава, если говорить об охране, здесь насчитывалось всего пятьдесят три человека, все знали друг друга в лицо и по именам, так что прапорщик спокойно помахал в ответ на приветственный кивок, точно зная, что здороваются с кем-то, кто ему хорошо знаком.

Рельсы узкоколейки снова нырнули в тоннель. За поворотом обнаружился еще один пост, где старшему прапорщику опять пришлось предъявить пропуск. Титаническая плита последних на этом пути ворот под привычную музыку электромоторов и стальных шестерен отъехала в сторону, вагонетка тронулась и снова остановилась, очутившись в квадратной, скупо освещенной камере с низким потолком. Ее передний буфер лязгнул об установленный на краю темного бездонного провала стальной отбойник, тормозные колодки застонали, намертво заблокировав колеса.

Когда ворота закрылись, а сирена смолкла, старший прапорщик Палей соскочил с платформы и хлопнул ладонью в резиновой рукавице по красной кнопке на пульте управления вагонеткой. Створки кузова начали медленно, словно нехотя, раскрываться. Прапорщик уже стоял у стены, его правая рука сжимала рукоять направленного на вагонетку автомата, а левая лежала на рычаге, открывавшем клапан вместительной емкости с боевым газом. Никаких сурпризов прапорщик, как обычно, не ждал, но инструкция предписывала быть к ним готовым, и он был готов – настолько, насколько человек вообще может быть готов стать свидетелем крайне нежелательного чуда.

Чуда, как всегда, не произошло. Палей вернулся к вагонетке и нажал еще одну кнопку, уже не красную, а желтую, но тоже крупную, выпуклую, не слишком удобную для указательного пальца, зато вполне подходящую для ладони, кулака и даже автоматного приклада. Опять послышалось жужжание, тоненько запела гидравлика, и кузов вагонетки начал подниматься, опрокидываясь над зияющим неосвещенным провалом. Внутри него послышался шорох – сначала слабенький, одиночный, он множился и нарастал. Груз стронулся, пришел в движение, плотной массой скользя по стальному днищу, угол наклона которого медленно, но верно увеличивался. Под воздействием силы тяжести сплошная масса начала распадаться на составляющие, и вот, наконец, одна из них, сорвавшись с места, прокатилась по верху шевелящейся, будто ожившей груды, перевалилась через передний борт вагонетки и сорвалась вниз. Голое бледное тело с растопыренными руками и ногами мелькнуло в свете ламп и беззвучно кануло во мрак. Через долгие три секунды далеко внизу послышался всплеск, а вслед за первым телом уже падало второе, третье... Потом кузов принял почти вертикальное положение, и трупы сорвались в провал перепутанной, разваливающейся на лету кучей, заставив освободившуюся от груза вагонетку ощутимо подпрыгнуть. Снизу послышался тяжелый множественный плеск, разбудивший в узком колодце провала мрачное эхо. Потом оно заглохло, и в похоронной камере снова воцарилась тишина.

Старший прапорщик Палей, как обычно, ощутил острое желание приподнять край респиратора и плюнуть в провал, но, как всегда, сдержался: инструкция категорически запрещала снимать респиратор и защитный костюм до возвращения в расположение части и прохождения процедур дезинфекции и дезактивации. Опустив кузов вагонетки, он задействовал механизм открытия ворот и дал своему экипажу задний ход, держа наготове пропуск.

Глава 2

Утро было омрачено сразу двумя инцидентами, которые последовали друг за другом с почти той же роковой, раз и навсегда установленной неизбежностью, с какой за восходом солнца следует его закат.

Если не мудрствовать лукаво, дело получалось довольно простое, житейское. Неделю назад Борис Иванович Рублев был зван на день рождения к одной полужнакомой незамужней даме бальзаковского возраста, которая, судя по некоторым признакам, имела на него какие-то виды. Во всех остальных отношениях дама была вполне приятная – ни убавить ни прибавить, – благовидного предлога для отказа Рублеву придумать не удалось, обижать человека за здорово живешь не хотелось, так что приглашение пришлось принять. Конечно, Борис Иванович предполагал, что, не сумев отказаться от одного приглашения, может очутиться в сложной ситуации, когда придется искать повод отклонить другое, уже не столь простое и невинное. Но дело было сделано, и он решил, как в бою, действовать по обстановке. Недаром ведь поэты частенько сравнивают любовь с войной! Борис Рублев на собственном опыте не раз убеждался, что между этими двумя понятиями и впрямь много общего. Правда, с его точки зрения, различий было все-таки намного больше, и поэт, первым пустивший гулять по свету это сравнение, на войне, скорее всего, никогда не был...

Вечеринка была назначена на сегодня. Действуя по укоренившейся привычке готовить сани летом и запасаться боеприпасами до того, как прозвучит сигнал к атаке, Борис Иванович еще накануне купил подарки – роскошный набор шоколадных конфет, перевязанный шелковой лентой, бутылку хорошего сухого вина и пышный букет чайных роз. Последнее было ошибкой; строго говоря, ошибкой было все, поскольку заготовленный им набор подношений как нельзя лучше подходил именно для романтического свидания с глазу на глаз, которого он побаивался и хотел избежать. Но если вино и конфеты были ошибкой мелкой, вполне простительной для такого неискушенного в тонкостях этикета человека, как бывший командир десантно-штурмового батальона Рублев, то покупать букет заранее, за целые сутки до торжественного момента его вручения, явно не стоило.

Он убедился в этом, когда, выйдя утром на кухню, обнаружил торчащий из заменявшей вазу трехлитровой банки пучок голых шипастых стеблей в пышной подарочной упаковке. Стол был густо усеян опавшими кремовыми лепестками, кухню наполнял густой, немного приторный цветочный аромат. Букет, за который была выложена довольно солидная сумма, пропал безнадежно; не помогла ни обрезка стеблей – наискосок, как советовал говорящий с ярко выраженным кавказским акцентом владелец цветочного павильона, – ни добавленный в воду по его же рекомендации аспирин.

Упомянутый павильон располагался возле станции метро. Назывался он «Миллион алых роз» и выглядел так, словно был готов завалиться от сильного хлопка дверью. При взгляде на то, что осталось от букета, у Бориса Ивановича немедленно возникло острое желание отправиться туда и хлопнуть дверью до тех пор, пока павильон не развалится на куски. А потом извлечь хозяина из-под обломков и скормить ему этот голый веник вместе с шипами, ленточками и целлофановыми оборками. И уже только потом, когда будет съедено все до последнего лепестка и моральный ущерб, таким образом, окажется полностью возмещенным, потребовать возмещения ущерба материального...

Таков был первый из инцидентов, омрачивших это погожее, солнечное летнее утро. Привычно поборов неразумное желание применить к обидчику излишне крутые меры воздействия, Рублев пересмотрел план своих дальнейших действий в сторону существенного смягчения упомянутых мер, то есть решил просто навеститься в павильон и обменять остатки вчерашнего букета на новый, причем такой, чтобы гарантированно простоял у именинницы на столе (или

куда там она его поставит) хотя бы три-четыре дня. Прибирая со стола и заваривая утренний чай, Борис Иванович то и дело тяжело вздыхал, с неудовольствием думая о предстоящем разбирательстве. Склок и выяснений отношений он не любил, поскольку никогда не был особенно бойким на язык. Когда люди, блюдя собственные копеечные интересы, красноречиво и нагло отрицали очевидное и утверждали, что черное – это белое, ему всякий раз стоило невероятных усилий сдержаться и не пустить в ход кулаки. И всякий раз, сдержавшись, независимо от исхода спора он сомневался: а стоило ли сдерживаться? В конце концов, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А разочек прочувствовать на собственной шкуре, чем чреват обман, наверняка еще лучше... То есть не лучше, конечно, а просто полезнее.

Допив чай и посмотрев на часы, он понял, что надо пошевеливаться. Так называемая вечеринка должна была начаться в час пополудни, а место ее проведения находилось в полутора сотнях километров от Москвы, на даче. В программу мероприятия входило купание в озере, баня, шашлыки и все прочие прелести дачной жизни, включая танцы, без которых Борис Иванович, честно говоря, предпочел бы обойтись. Но в данный момент дело было не в танцах, а в необходимости обменять букет, сделав для этого приличный крюк. Имея в виду пробки и иные столь же, а то и более неприятные особенности столичного уличного движения, сделать это следовало заранее, не откладывая в долгий ящик, то есть прямо сейчас, чтобы перед выездом еще успеть привести себя в подобающий случаю вид. Последнее тоже представлялось не самым легким делом, поелику Рублев очень смутно представлял себе, какой именно вид подобает этому случаю. С одной стороны, день рождения, да еще у дамы, с которой ты едва знаком, а с другой – озеро, баня, шашлыки... Сменный комплект обмундирования с собой взять, что ли?

Прибрав со стола и сполоснув посуду, он сунул пучок колючих розовых стеблей вместе с праздничной упаковкой в полиэтиленовый пакет и спустился во двор, где на стоянке перед подъездом ночевала его машина. Тут-то и обнаружилось обстоятельство, послужившее причиной второго утреннего инцидента.

Упомянутое обстоятельство представляло собой полноприводной автомобиль «тойота-RAV4», припаркованный рядом с «фордом» отставного майора Рублева. Машина была незнакомая, со смоленскими номерами – то есть вряд ли принадлежала кому-то из жильцов дома. Само по себе это ничего не значило – по крайней мере, для Бориса Ивановича, никогда не понимавшего упоенной ярости, с которой многие люди борются за свое единоличное, самовольно присвоенное право обладания клочком асфальта на дворовой парковке. Возможно, это непонимание было продиктовано тем, что на парковочное место военного пенсионера Рублева никто из соседей не посягал, но факт оставался фактом: ему было глубоко плевать, чьи именно машины и в каком порядке припаркованы у подъезда.

Другое дело, что водитель «тойоты» ухитрился поставить свой внедорожник так, что между его правым бортом и левым бортом машины майора Рублева остался просвет шириной не более десяти сантиметров. Протиснуться в эту щель Борис Иванович не смог бы даже при самом горячем желании, а уж о том, чтобы открыть дверцу и сесть за руль, не могло быть и речи. Правая дверь была заблокирована осветительной опорой – то есть, говоря простым языком, фонарным столбом, – на которой преступная рука какого-то малолетнего вандала при помощи аэрозольного баллончика начертала короткое непечатное слово. Данное слово как нельзя лучше описывало шансы Бориса Ивановича проникнуть в салон автомобиля обычным путем.

Рублев отпер центральный замок. В коротком пикиканье, которым машина ответила на нажатие кнопки на брелоке, Борису Ивановичу почудились виноватые нотки: извини, хозяин, рада бы помочь, да нечем... Он открыл багажник, бросил туда веник в полиэтиленовом пакете и, стараясь не раздражаться, прошелся взад-вперед. При этом обнаружилось, что между «тойотой» и следующей в ряду машиной имеется просвет шириной в добрый метр, так что ничем,

кроме как небрежностью водителя джипа, затруднительное положение Рублева не объяснялось. Впрочем, пардон, еще одно объяснение существовало: возможно, этот умник просто хотел оставить побольше свободного места для того, чтобы самому с комфортом, не опасаясь поцарапать соседа и не извиваясь ужом, выбраться из-за руля.

Борис Иванович похлопал «тойоту» по заднему крылу, и та, как и следовало ожидать, разразилась паническими воплями сработавшей сигнализации. Было всего восемь часов субботнего утра, и сигнализация выла, крикала и улюлюкала никак не меньше трех минут, прежде чем хозяин джипа проснулся, понял, что происходит, и отключил ее.

В наступившей тишине Рублев обвел взглядом фасад дома, но так и не заметил ни в одном из окон и лоджий заспанной, встревоженной физиономии собственника злополучного авто. Тогда он закурил и стал терпеливо ждать, здраво рассудив, что упомянутый собственник, должно быть, с первого взгляда оценил ситуацию и в данный момент торопливо натягивает штаны, чтобы спуститься во двор и исправить свое упущение – вольное или невольное, с извинениями или, наоборот, недовольным ворчанием, но исправить.

Сигарета догорела до самого фильтра, который в свой черед отправился в мусорную урну, а хозяин «тойоты» что-то не торопился. Возможно, в данном случае речь шла не о хозяине, а о хозяйке. Тогда задержка была вполне объяснима и даже простительна: женщина, раскатывающая на новеньком джипе, не может позволить себе показаться на люди без макияжа, даже если ей предстоит всего лишь переставить машину или вынести мусор.

Борис Иванович заглянул в салон «тойоты». Судя по тому, как далеко было отодвинутو сиденье водителя, женщина, управляющая этой машиной, должна была иметь воистину грендерский, чересчур большой даже для профессиональной модели рост. На приборной панели лежала забытая пачка крепких сигарет, в углублении между передними сиденьями виднелась коробка компакт-диска, на которой было крупно написано: «Золотые хиты русского шансона». Конечно, женщины бывают разные (а в наше время очень разными стали и мужчины), но с гром-бабой, которая курит крепкие мужские сигареты и слушает в дороге шансон, и спорные вопросы, надо полагать, можно решать по-мужски – не врукопашную, конечно, но и без лишних реверансов, по-деловому.

Рублев снова толкнул «тойоту». Сигнализация разразилась оглушительными воплями, тревожно замигали подфарники. На этот раз режущая слух какофония прекратилась почти сразу, и откуда-то сверху послышался сердитый мужской голос:

– Слышь, мужик, от машины отвали! Заняться больше нечем, что ли?

Здрав голову, отставной майор почти сразу обнаружил в одной из лоджий на четвертом этаже обтянутую выцветшей майкой гору волосатого, основательно заплывшего жиром мяса, увенчанную круглой, как баскетбольный мяч, и такой же крупной и лишенной растительности головой. Блеск золотой цепи, украшавшей шею описываемого субъекта, был виден даже на таком расстоянии; тон у гражданина в майке был хамоватый, свидетельствующий о том, что недостаток воспитания не помешал, а, напротив, помог ему добиться в жизни некоторого успеха.

– Я бы рад отвалить, – подавив раздражение, которое неизменно испытывал при общении с подобными типами, сообщил Рублев, – да не могу. Ты бы отъехал, земляк, а то мне в машину не залезть.

– Через багажник залезь, – посоветовал хозяин «тойоты», и лоджия опустела.

Рублев, который и сам уже подумывал о том, чтобы попасть в салон через заднюю дверь, а оттуда как-нибудь перебраться на водительское место, мгновенно передумал заниматься акробатикой. Это дело, при его габаритах и без того представлявшее собой нелегкую задачу, в свете состоявшегося диалога приобрело еще и крайне унижительный характер. Дальнейший переговорный процесс, вероятно, помог бы добиться желаемого результата, да вот беда: желание вести переговоры у майора Рублева пропало начисто.

Примерившись, он взялся обеими руками за прочный стальной крюк фаркопа, крепче уперся в землю широко расставленными ногами, поднатужившись, оторвал задние колеса «тойоты» от земли и оттащил ее в сторону.

Сигнализация при этом, естественно, не молчала. Под ее истошные вопли Рублев отряхнул ладони, без помех сел за руль своего «форда», запустил двигатель и задним ходом вывел машину со стоянки. Сигнализация продолжала орать благим матом и панически моргать габаритными огнями, когда он, выйдя из машины, вернулся к «тойоте» и тем же порядком вернул ее в исходное положение. Как будто удовлетворившись этим, сигнализация коротко пискнула в последний раз и умолкла. За спиной ахнула дверь подъезда, послышался резкий хлопок, и что-то коротко щелкнуло об асфальт в нескольких сантиметрах от правой ноги Бориса Ивановича.

– Вот чудило, – пробормотал Рублев и неторопливо обернулся.

Предчувствие его не обмануло: хозяин джипа был тут как тут. Он бежал от подъезда, тяжело переваливаясь на кривоватых волосатых ногах, торчащих из широких штанин пятнистых камуфляжных шортов. Его брюхо подпрыгивало и тряслось на бегу, пляжные шлепанцы все время норовили потеряться, широкий рот открывался и закрывался, изрыгая грязную брань. В левой руке этот неприятный тип держал брелок с ключом от машины, а правая сжимала рукоятку пистолета, очень похожего на настоящий. Рублев покосился на то место, куда угодил первый выстрел, и не заметил оставленного пулей следа. Из чего следовало, что пистолет травматический и что его владелец совершенно напрасно им размахивает, пытаясь напугать этой пукалкой ветерана множества региональных военных конфликтов.

– Ты чего творишь, козлина?! – с одышкой обратился к Рублеву толстяк, вертя и потрясая у него перед носом своим пистолетом так старательно, словно и впрямь думал, что оппонент до сих пор не оценил его огневую мощь. – Тебе что, зубы жмут? Да я тебя сейчас прямо тут, на месте, в асфальт закопаю!

– Тут какое-то недоразумение, – вежливо ответил Борис Иванович. – В чем, собственно, дело?

– Я тебе, урод, сейчас объясню, в чем дело! – пылая праведным гневом, пообещал толстяк.

– Будьте так любезны, – проникновенно попросил Рублев. – Только, если можно, побыстрее, я спешу. Так чем вы недовольны?

Толстяк слегка замялся: описать вслух то, что он пару минут назад наблюдал из лоджии, не поворачиваясь языком. Кроме того, увиденное прямо свидетельствовало о том, что подчеркнутая вежливость черноусого оппонента является признаком чего угодно, но только не слабости. Однако толстяк явно не привык отступать, да и пистолет в руке придавал ему уверенности в своих силах. Борис Иванович давно заметил, что оружие обладает опасным свойством вводить людей в заблуждение, заставляя сильно переоценивать свои возможности. Вооружившись, человек, особенно неопытный, начинает чувствовать себя таким громовержцем, которому море по колено и от которого в страхе разбегается все живое. Именно это, судя по всему, происходило сейчас с его собеседником, который никак не мог взять в толк, почему безоружный оппонент до сих пор не пал перед ним на колени, моля о пощаде.

– По-моему, все в порядке, – предвосхищая очередную бессмысленную угрозу, заметил Рублев. – Все хорошо, что хорошо кончается, верно? Счастливо оставаться. И поосторожнее с этой игрушкой, – он кивнул на пистолет, – не пораньтесь.

Обойдя собеседника, как неживой предмет, он направился к своей машине. За спиной раздался гневный матерный вопль, за которым последовал хлопок нового выстрела. На этот раз свистнуло у самого уха; этот выстрел, оказись он поточнее, мог оказаться смертельным.

– Ну, все, парень, – оборачиваясь, негромко сказал Рублев, – ты меня достал.

Он сделал серию быстрых, почти неуловимых движений. Толстяк сел на землю, баюкая поврежденную кисть и хватая воздух широко разинутым ртом. Борис Иванович подбросил на

ладони пистолет, с виду неотличимый от боевого «Макарова», огляделся и, примерившись, по высокой траектории запустил его в сторону помойки, до которой от стоянки было метров тридцать. Пистолет, кувыркаясь, описал в синем безоблачном небе длинную пологую дугу, с отчетливым лязгом ударился о мятый край жестяного мусорного бака, подпрыгнул, напоследок кувыркнувшись еще пару раз, и беззвучно скрылся внутри. Из бака пулей выскочил напуганный неожиданным гостинцем бродячий кот и, струясь над асфальтом, серой молнией метнулся в заросли заполонивших клумбу под окнами многолетников.

– Урою, – сидя на асфальте, просипел толстяк. – Сгною, падла! Ты на кого руку поднял?!

– Иди проспись, – посоветовал Борис Иванович. – Только шпалер свой сперва найди, не надо, чтоб им детишки баловались.

– Пожалеешь, сука, – напутствовал его поверженный стрелок, осторожно щупая наливающийся под левым глазом синяк.

Не удостоив его ответом, Рублев сел за руль, аккуратно, без лязга, закрыл дверцу и наконец-то тронулся в путь. Настроение было испорчено. Мысль, которую он старательно гнал от себя на протяжении всей прошедшей недели: «И на кой бес мне сдался этот день рождения?» – снова вернулась и никак не желала уходить. В самом деле, сообрази он вовремя отказаться от приглашения, сославшись на какой-нибудь вздор, утро выходного дня не было бы испорчено в самом начале.

Кроме того, у него появилось и стало с каждой минутой крепнуть очень неприятное предчувствие, что это еще не конец. Он хорошо знал и себя, и свое везение: если уж неприятности начались, то кончатся они не скоро. И что с того, что облетевший букет и ссора на парковке – пустяки, не стоящие выеденного яйца? Маленький камешек, сорвавшийся с вершины горы, способен вызвать обвал, а что может быть пустячнее маленького серого камешка?

Всю дорогу до цветочного киоска с названием, украденным из популярной песни, он уговаривал себя не горячиться, не срывать раздражение на посторонних людях и не затевать межнациональный конфликт из-за такой ерунды, как пучок голых колючих веток. Прибыв на место, он держался со сдержанной вежливостью, но, видимо, выражение его лица было красноречивее любых слов, так что букет ему заменили без единого слова протеста, с отменной обходительностью и прямо-таки волшебной быстротой. Прощаясь с ним, хозяин павильона приглашал заходить почаще; обещать ему это, не кривя душой, Борис Иванович не мог, а потому лишь молча кивнул на прощанье и вышел.

Поскольку очередного инцидента, вопреки его опасениям, не произошло, он немного воспрянул духом. Возможно, обычная последовательность событий, не однажды наводившая его на горькие размышления о некой заложенной в подсознание программе саморазрушения, на этот раз дала сбой, и мелкие неприятности так и останутся мелкими, не получив дальнейшего развития. На всякий случай осторожно встряхнув букет и убедившись, что лепестки роз держатся прочно, он бережно поместил свое приобретение на заднее сиденье и сел за руль.

От этих мыслей настроение у него начало мало-помалу подниматься, и даже выходные, которые предстояло провести в компании полужнакомых и вовсе не знакомых людей, уже не казались такой пустой и утомительной тратой времени, как полчаса назад. В конце концов, именно после таких вечеринок с банькой, водочкой и дамочками незнакомые люди становятся знакомыми. О том, чтобы в своем возрасте, да еще и в Москве, обзавестись новыми друзьями, Борис Рублев, конечно же, не помышлял. Но с тех пор, как он оставил армейскую службу, утекло уже немало воды, а вода, как известно, имеет свойство сглаживать острые углы и придавать обтекаемую форму даже предметам, изготовленным из самого твердого, несокрушимого материала. Несгибаемый Комбат не стал более гибким и податливым за проведенные на гражданке годы, но даже он со временем понял, что полезные знакомства потому так и называются, что периодически и впрямь оказываются весьма и весьма полезными. Да и потом, должен же человек хотя бы время от времени выходить в люди и общаться с себе подобными! Бориса

Рублева и так не назовешь светским львом, а если начать искусственно сводить свои контакты с окружающими к минимуму, недолго совсем одичать и начать вести себя точь-в-точь как пресловутый поручик Ржевский – не из «Гусарской баллады», сами понимаете, а из скабрёзных анекдотов, сочинённых о данном персонаже...

Букет на заднем сиденье при резких маневрах негромко шуршал целлофаном и распространял такой мощный цветочный аромат, что он забивал даже проникавший в салон через фильтры вентиляционной системы запах выхлопных газов. Солнце поднялось уже довольно высоко и начало ощутимо припекать, мало-помалу превращая салон в раскаленную духовку. Привычно коря себя за то, что сэкономил на кондиционере, Борис Иванович включил вентилятор, а потом, прислушавшись к своим ощущениям, увеличил его мощность до максимума. Воздух громко зашелестел в вентиляционных отдушниках, лица и рук коснулся плотный, не приносящий ощутимого облегчения сквозняк. Рублев свернул с оживленной магистрали на второстепенную улицу, уже начиная мечтать о том, чтобы поскорее вырваться за город – туда, в поля и леса, к хваленому озеру, баньке, свежему воздуху и зелени, – и тут с обочины наперерез ему, требовательно вскинув полосатый жезл, шагнул чертовски неприветливый с виду инспектор ДПС.

* * *

– Вот скажи мне, Леха, только честно: ты мне друг? – слегка заплетающимся языком с пьяным надрывом в голосе поинтересовался Сергей Казаков.

– А ты сомневаешься, что ли? – слегка агрессивно, что также не свидетельствовало о кристальной трезвости, задал встречный вопрос человек, которого отставной капитан назвал Лехой.

На вид ему было от тридцати пяти до сорока лет; он был одет в незапятнанные и идеально отутюженные кремовые брюки и белоснежную рубашку с коротким рукавом, которая выгодно контрастировала с загаром, полученным явно не в Подмоскowie на картофельных грядках. На ногах у него красовались светлые кожаные туфли с плетеным верхом, на левом запястье поблескивал золотом швейцарский хронометр; свой плоский атташе-кейс он задвинул за стул, чтобы не мозолил глаза. Волосы у него были светло-русые, редкие, зачесанные ото лба назад, а лицо – круглое, немного одутловатое, со слегка поросычьими чертами. Язык у него тоже заметно заплетался, но светлые, неопределённого серо-зеленого оттенка глаза смотрели трезво, холодно и цепко.

– Сомневаешься, не сомневаешься... – передразнил Казаков, разливая портвейн. – Я тебя прошу как человека: скажи сам, честно: друг или не друг?

– Друг, – послушно, с готовностью подтвердил Леха. – Конечно, друг. А ты думал, кто?

– Да мало ли... – Казаков стукнул донышком своего стакана о стакан собутыльника и выпил залпом, так поспешно, что портвейн потек из уголков рта по нуждающемуся в бритве подбородку.

– Что значит «мало ли»? – обиделся Леха. – Мне, по-твоему, выпить не с кем, что я на первого встречного ради пол-литра кидаюсь? Ты это, вообще, к чему?

– К тому, что мне надо знать, – выковыривая из криво надорванной, разрисованной камуфляжными пятнами пачки «Комбата» сигарету без фильтра, заявил Сергей. – Если друг, объясни мне одну вещь: чего они, суки, ко мне вяжутся? Ведь, кажется, никого не трогаю, живу тихо, сам по себе, ничего не прошу, не буяню даже... Нет, лезут! Лезут и лезут, лезут и лезут, и нет этому ни конца ни края!

– Ты это о чем? – слегка перефразировал заданный минуту назад вопрос Леха.

Он знал, о чем говорит собеседник и кого имеет в виду, потому что по роду своей профессиональной деятельности уже не первый день внимательно к нему присматривался. Несмотря

на то что в непосредственный контакт они вступили впервые, «Леха» знал о своем собеседнике все, что один человек может знать о другом, не обращаясь с запросами в учреждения, которые не выдают справок каждому желающему.

– Да вот, к примеру, соседка, – с охотой пустился в пьяные откровения Сергей, – Раиса Петровна, тетя Рая, старая калоша... Вышел я нынче с утра в магазин – кофе у меня, понимаешь, кончился, дай, думаю, в кои-то веки кофейком побалуюсь. Ну, стою в магазине, смотрю на витрину, кофе себе выбираю... А я виноват, что они, суки, кофе рядом с вином поставили?! И тут она, тетя Рая, значит. Что же ты, говорит, Сережа, как же тебе не стыдно? Такой мужик был, говорит, а ныне глядеть срамно: полдевятого утра, а ты уже около полки с чернилами ошиваешься и глядишь так, что, кабы взглядом бутылку можно было высосать, так там, на полке, уже одна пустая стеклотара осталась бы...

– Я бы за такое убил, – кровожадно заявил Леха.

– Ну, убил... – Казаков пьяно усмехнулся, сунул в зубы сигарету и зашарил по столу в поисках зажигалки. – Убил – это ты загнул. За что ж ее убивать-то? За то, что старая дура? Так это получится, знаешь, как у Макара в той песне – помнишь, «Битва с дураками»? «Когда последний враг упал, труба победу проиграла. Лишь в этот миг я осознал, насколько нас осталось мало...» Да куда ж я ее, заразу?..

Зажигалка лежала на столе, скрытая от него бутылкой с остатками портвейна, но Леха не стал его об этом информировать. Когда Сергей отвернулся от стола, чтобы продолжить поиски на замусоренном подоконнике, он быстро и бесшумно вылил содержимое своего стакана в заполненную смердящей грязной посудой мойку.

– Что ищешь-то, Серый? – спросил он, так же быстро и беззвучно поставив пустой стакан на стол.

– Да зажигалку же! – раздраженно откликнулся Казаков. – Ума не приложу, куда я ее мог засунуть!

– Эту, что ли? – невинно поинтересовался Леха, протягивая ему искомое.

– О! – обрадовался Сергей. – Вот она, моя фирменная, заветная, китайская...

Из трех данных им зажигалке определений истине соответствовало разве что последнее: зажигалка действительно была китайская. Дешевая, одноразовая, тошнотворного розового цвета, она была заполнена газом под завязку, из чего следовало, что ее купили не ранее чем сегодня утром, так что быть «заветной» она никак не могла.

Несколько раз чиркнув колесиком, Казаков прикурил и с энергией, свидетельствовавшей о состоянии алкогольной эйфории, в котором он сейчас находился, выдул в пожелтевший от многолетних наслоений никотина, смол и кухонного чада потолок толстую струю едкого табачного дыма. На кухне и раньше нечем было дышать, так что эта очередная химическая атака мало что изменила в общем положении вещей; кроме того, Алексею Ивановичу Бородину в интересах дела частенько приходилось терпеть и не такое.

– Давай выпьем за дружбу, – предложил Алексей Иванович. – И за то, чтобы никакая сволочь не лезла человеку в душу, когда ее об этом никто не просит.

– Чеканная формулировка! – восхитился Казаков и стал, шуря глаз от дыма зажатой в углу рта сигареты, нетвердой рукой разливать портвейн. – А то ведь что получается? Пришел человек за кофе, а его так под руку и толкают: мол, да ты этим своим кофе хоть до смерти упейся, все равно скажут – алкаш, от водки сгорел... Вот я, понимаешь, с горя, от обиды, а еще назло этой старой суке вместо кофе вина-то и взял. Чего там, думаю, если за меня уже все решили! Век бы их всех не видел, глаза б мои на них не глядели!

– Ах как худо жить Марусе в городе Тарусе, – вполголоса процитировал строчку из старой песенки Алексей Иванович. Его поросычья физиономия при этом сохраняла сочувственное, немного грустное выражение.

– Чего? – не расслышал Сергей.

– Я говорю, это проклятие большого города, – сказал Бородин. – Всюду глаза и уши, от которых даже в своей квартире не скроешься. Да какие глаза, какие уши! Ведь кто нынче живет в российских городах? Сплошная лимита, вчерашняя деревня без малейшего понятия об элементарных приличиях и такте! Всюду суют свой нос, обо всем судачат в меру своего куцега разума... Вот оно, стирание различий между городом и деревней, не на словах, а на деле! Не можешь обеспечить деревне такие же условия, как в городе, пересели ее в города, чтобы если не зарплаты и дороги, так хотя бы люди и там и тут были одинаковые.

– Точно, – пьяно кивнул Казаков, – так оно и есть. Кругом одни уроды, как будто их не из деревни, а из зоопарка на волю выпустили!

– И ты хочешь укрыться от них в своей квартире? – с грустной насмешкой спросил Бородин.

– Была у меня такая мысль, – признался Сергей.

– Даже и не мечтай! – с торжеством человека, поймавшего научного оппонента на явном, кричащем противоречии, воскликнул Алексей Иванович. – Забуди и не вспоминай!

– Это еще почему? – прихлебывая портвейн, как чай, и закусывая это пойло едким табачным дымом, возмутился Казаков. – Я им не мешаю...

– Мешаешь, дорогой! Еще как мешаешь! Буквально до смерти. Ведь что получается? Сам ты на скамейке у подъезда не сплетничаешь; жена на тебя соседкам не жалуется – нет жены; милиция к тебе не приезжает, повода вызвать ее нет – словом, не человек, а сплошная тайна за семью печатями! Кто же такое стерпит? В такой ситуации люди, чего не знают, то сами додумают. Оглянуться не успеешь, а они уже сделали из тебя какого-нибудь маньяка или, скажем, людоеда и сами в свою же басню свято уверовали... Сейчас, как я понял, они тебя в алкоголики записали, но это только пока, для начала. Подожди, в этих делах, как в телевизионном сериале: чем дальше в лес, тем больше дров. Скоро они участковому жалобы начнут строчить, что из-за тебя у них молоко в холодильниках киснет и дети в школе плохие оценки получают. А там и еще что-нибудь придумают...

– Что-то ты не то говоришь, – неожиданно проясняясь, насутился Сергей.

– Не то? – Леха горько усмехнулся. – Почему же не то? Самое то! Другое дело, что слова мои тебе не нравятся. Ну, так ты ведь сам пять минут назад допытывался, друг я тебе или не друг. Если, по-твоему, друг – это тот, кто тебя все время по шерстке гладит, у нас с тобой, Сережа, разные понятия о дружбе. По-моему, друг – это тот, кто всегда говорит человеку правду, какой бы неприятной она ни была. Если, скажем, ты собрался на деловую встречу и спрашиваешь: как, мол, Леха, я выгляжу? – а я вижу, что у тебя, к примеру, сопля под носом висит, и при этом говорю, что выглядишь ты на все сто, кто я тебе после этого – друг?

Алексей Иванович Бородин был недурным психологом – профессия обязывала. Он умел подобрать к человеку ключик и, как правило, буквально с первого слова начинал говорить с очередным клиентом на его языке, оперировать близкими ему понятиями, даже если для него самого эти понятия были пустым звуком. Он был начитан и имел огромный опыт общения с людьми из самых разных социальных слоев, что позволяло ему с одинаковой легкостью входить в доверие хоть к вдове академика, хоть к вчерашнему заключенному колонии строгого режима. Он был специалист экстра-класса, универсал – правда, с основательно подмоченной репутацией, но порой именно пятна на репутации помогают зарабатывать серьезные деньги, которые даже и не снились всяким чистоплюям.

Тщательно проведенная предварительная разведка рассказала о Казакове многое, но не все. Служба в ДШБ, война, контузия, демобилизация по состоянию здоровья, трагическая гибель жены и сына, отсутствие родственников, замкнутый образ жизни, алкоголизм – это ведь только фасад, за которым может скрываться все что угодно – от разочарованного романтика до тупого скота. Одно неверное, не вовремя сказанное слово в такой ситуации может разом поставить на деле крест, и нужно быть настоящим мастером, чтобы, подойдя на улице к незна-

кому человеку, выбрать из сотен тысяч фраз именно ту, которую тот хотел бы услышать. А если человек – ярко выраженный, принципиальный бирюк, старательно избегающий контактов с внешним миром, эта задача, и без того дьявольски сложная, становится почти невыполнимой. В данном случае дело осложнялось еще и тем, что Казаков пил на свои и не нуждался в подношениях, которые обычно служат ключиком к сердцу любого алкаша. Да, это был крепкий орешек, но Алексей Бородин его, кажется, раскусил.

Он подстерег клиента по дороге из магазина и, вертя в пальцах незажженную сигарету, вежливо попросил огоньку. Обычно Алексей Иванович не курил, но, когда приходилось работать с курящими клиентами, делал исключение: курение, как всякий общий порок, сближает людей – совсем немного, но сближает. Следующим шагом навстречу клиенту стала марка сигарет: пятнисто-зеленая пачка «Комбата» выглядывала из нагрудного кармашка белой рубашки Бородина и выглядела на общем респектабельном фоне его внешности не более уместно, чем коровья лепешка. Отправляясь на встречу, Алексей Иванович на пробу выкурил одну сигарету из этой пачки и был буквально потрясен: неужели кто-то может курить это регулярно?! Да не просто курить, а еще и оставаться при этом в живых...

Он нарочно долго чиркал зажигалкой, а потом, когда огонек все-таки загорелся, у него вдруг начали ужасно трястись руки, и он так же долго не мог попасть кончиком сигареты в пламя. Возвращая зажигалку владельцу, он счел необходимым извиниться, сославшись на старую контузию, последствия которой будто бы время от времени проявляются до сих пор: такая зараза, что хоть волком вой, живешь и не знаешь, когда она тебя снова накроет...

Момент был щекотливый, ход рискованный, но Алексей Иванович не прогадал: Казаков, контузия которого чаще всего давала о себе знать в состоянии опьянения и с похмелья, почуял в нем родственную душу. «Участвовал?» – как бы между делом спросил он, пряча в карман зажигалку. Рука у него при этом тоже тряслась – не сильно, но заметно.

«Немножко, – сказал Бородин. – Понюхал чуток Афгана. Полгода послужил, а потом – бах, и досрочный дембель. Отвоевался солдатик...»

Казаков мог не клянуть – просто кивнуть и уйти. Тогда пришлось бы либо искать к нему другой подход, либо подсылать другого человека, либо вообще о нем забыть. Последний вариант Алексея Ивановича решительно не устраивал, но он не исключался, и Бородин был к нему готов: это была охота, а не поход в супермаркет, откуда при наличии денег гарантированно не вернешься с пустыми руками.

Но Казаков клюнул, дичь угодила в расставленный опытным охотником силок. На его вопрос о том, в каких войсках служил, Алексей Иванович заранее заготовил ответ. Чтобы не переигрывать и не рисковать, говоря о вещах, в которых ничего не смыслит, с человеком, который прекрасно в них разбирается, он не стал прикидываться бывшим десантником, а назвался водителем из автороты. Расчет и здесь оказался верным: Казаков был настоящим офицером, не понаслышке знал, что такое война, и отлично понимал, каково приходилось водителям грузовиков на горных серпантинах Афганистана. «Слуга царю, отец солдатам» – так описал настоящего российского офицера Лермонтов, и капитан Казаков, пока не превратился в дрожащий кусок воняющего перегаром дерьма, видимо, целиком и полностью соответствовал этому определению. «Выпить хочешь, солдат?» – спросил он, и Бородин не стал отказываться, поскольку именно за этим к нему и подошел. Хотя, разумеется, интересовала его вовсе не дармовая выпивка.

Так он очутился в этой захлавленной, загаженной, провонявшей застоявшимся табачным дымом, винным перегаром и многолетней грязью квартире и приобрел статус фронтового товарища и личного друга ветерана афганской бойни Казакова. По дороге сюда они разговаривали. Вернее, говорил Казаков, Алексею Ивановичу оставалось лишь слушать и мотать на ус. Встретив, как ему казалось, родственную душу, бывший десантник тараторил без умолку, лихорадочно и поспешно, словно торопясь разом выговориться за все годы, которые провел

наедине с бутылкой. Это было очень кстати, поскольку позволило Бородину составить его точный психологический портрет и выбрать правильную манеру разговора и линию поведения. И теперь он говорил о настоящей мужской дружбе так уверенно и серьезно, словно и впрямь знал, что это такое.

Его актерскому мастерству позавидовал бы самый именитый из артистов, а фантазии и умению проникнуть во внутренний мир собеседника – самый маститый, увенчанный всеми мыслимыми лаврами литератор. В этом не было ничего из ряда вон выходящего: творческими способностями от природы наделены многие, но своей профессией их делают лишь те, кто ни на что иное не способен. Опытному мошеннику на доверии ничего не стоит сыграть хоть Гамлета, хоть Хлестакова, но далеко не каждый народный артист способен выманить пенсию у какой-нибудь вздорной, насмотревшейся по телевизору криминальных сюжетов бабуся. Народный артист оправдывает себя тем, что он – человек порядочный и не нарушает закон из принципа; что ж, тогда предложите ему повернуть вполне законную сделку по перепродаже вагона алюминиевых болванок или доверьте управление небольшим продуктовым магазинчиком и посмотрите, что из этого получится. Профессиональный киллер (если это действительно профессионал, а не отморозок из подворотни) при наличии времени и желания может написать роман, но пусть-ка автор детективных романов попробует претворить в жизнь хотя бы один из своих лихо закрученных сюжетов!

Алексей Иванович Бородин был сценарист, режиссер-постановщик и актер в одном лице. До сих пор его постановки неизменно увенчивались успехом, о чем неопровержимо свидетельствовал уже тот факт, что он до сих пор был жив и оставался на свободе.

Первый акт пьесы – знакомство – был успешно сыгран, и теперь Алексей Иванович осторожно, но уверенно, как опытный хирург, делающий сложную операцию, перешел ко второму акту, который у него и его коллег издревле называется окучиванием клиента.

– Ладно, не обижайся, – подтверждая правильность избранного Алексеем Ивановичем стиля, смущенно проворчал Казаков. – Ты кругом прав, но мне-то от этого не легче! Ну и какую такую правду ты мне намерен резануть в глаза на правах друга? Давай, не стесняйся!

Он залпом допил вино и потянулся за бутылкой. Бородин к своему стакану так и не прикоснулся, но Сергей этого не заметил: слив остатки портвейна в свой стакан, он выжидательно уставился на собеседника.

– Ты тоже не обижайся, – сказал тот миролюбиво, извиняющимся тоном. – Мне самому неловко, что я, сержант запаса, водила, тебя, капитана, вроде как жизни лезу учить...

– Ну, вспомнил – сержант, капитан... Когда это было! Водила... Нынче-то ты на водилу не больно похож! Забыл уже небось, как вас, автобатовских, в армии дразнили?

– Не забыл, – усмехнулся Бородин.

Это была правда, поскольку забыть то, чего никогда не знал, невозможно. В армии Алексей Иванович не служил вообще и, когда кто-нибудь из знакомых в его присутствии начинал травить армейские байки, старался тихо слинять куда подальше. А когда слинять было невозможно, просто отключал восприятие, как радиоприемник – шелк, и тишина...

– «Крылья с яйцами»! – развеселившись, пришел ему на выручку Казаков. – Из-за этой вашей эмблемы, крылышек на колесах... Так, говоришь, жизни меня учить собрался? Значит, есть что сказать... Давай говори! Только, если честно, лучше бы ты меня не жизни, а смерти научил. Что-то опостылела мне вся эта бодяга, прямо с души воротит. Утром, бывает, проснешься, глаза продерешь, за бока себя пощупаешь – мать честная, опять живой! И когда же, думаешь, это кончится? Но, если имеешь желание, излагай, что у тебя на уме. Все равно говорить о чем-то надо, мы ж не клопы – молчком красненькое сосать!

– Только без обид, ладно? – сказал Бородин.

– Ну, мы ж договорились!

– Вот и славно. В общем, я что хочу сказать? Не думай, Серега, что ты один такой на всем белом свете. Видал я таких, и сам одно время таким был, так что меня ты не обманешь. В гроб себя загнать пытаешься, верно? Это твое личное дело, – быстро добавил он, увидев, как Казаков воинственно вскинул голову, – и я в него лезть не собираюсь. И расписывать, как прекрасен этот мир, тоже не буду. Для кого-то он прекрасен, но таких на самом деле немного. Для большинства людей он очень даже так себе, серединка на половинку, но приходится мириться с тем, что есть, – выбирать-то не из чего! А кое-кому, вот как тебе сейчас, на него глядеть тошно. Знаю, каково тебе, сам через это прошел, но, как видишь, выкарабкался. Но моя жизнь – это моя жизнь, а твоя – это твоя. Говоришь, смерти тебя научить? Изволь. Это ведь тоже уметь надо, а ты, я вижу, подходишь к данному вопросу как последний дилетант. Я по этому поводу вот что думаю: что у человека на роду написано, то и будет, и спорить с этим – последнее дело. Вены себе вскрывать, травиться, вешаться, стреляться, с крыши сигать – глупость распоследняя. Не будет тебе от этого никакого облегчения, себе же хуже сделаешь, причем навечно, потому что самоубийство – смертный грех...

– погоди, ты что – проповедь мне читать намылился? – изумился Казаков. – Ты у нас богомолец, что ли?

– Да в общем, нет. Сам не знаю, верю я в Бога или не верю. Однако все же опасаясь: ну, а вдруг? Кто сказал, что его нет, помнишь? Правильно, коммунисты. Так они, брат, много чего говорили. А теперь сами в церковь бегают – свечи ставят, поклоны бьют, грехи замаливают. Да и раньше многие бегали, только тайком. Это как с оголенным проводом: по виду сроду не скажешь, под напряжением он или нет. Вариантов всего два, и надо быть последним идиотом, чтобы, не имея при себе элементарного тестера, хвататься за него голыми руками в расчете на авось – вдруг да пронесет! Шансы-то пятьдесят на пятьдесят, так что я для себя лично давно решил: будь что будет, но никаких самоубийств. Да ты и сам в глубине души так же считаешь, иначе давно бы придумал что-нибудь более действенное, чем цирроз печени, который тебе, кстати, вовсе не гарантирован. Некоторые бухают запоем и при этом доживают до ста лет, а другие ведут абсолютно здоровый образ жизни и не дотягивают до сорока. Организм у тебя крепкий, это за километр видно. Поэтому не исключено, что, если станешь продолжать в том же духе, первым откажет не сердце, не печень и не прочая требуха, а мозг. Причем не сразу, а постепенно. Это ты сейчас держишься, не буянишь, с балкона соседям на головы не мочишься и похабных песен в подъезде не орешь. Но вот уже соседку старой сукой обзывать начал – пока что за глаза и не слишком громко, но это, повторяю, пока. Деградация – вот как это называется, Серега. И когда она зайдет достаточно далеко, это станет заметно всем. Поэтому, действуя тем же порядком, что и сейчас, ты можешь загнать не на тот свет, как рассчитываешь, а на принудительное лечение. А если еще и деньги кончатся – ты хотя бы представляешь, какая жизнь тебя тогда ждет?

Сергей, который буквально несколько часов назад думал о том же и даже почти теми же словами, вытряхнул из пачки новую сигарету и прикурил ее от предыдущей.

– И еще, – продолжал Бородин, вдохновленный его мрачным видом, свидетельствовавшим, что зерна упали в благодатную почву. – Пьянство – это неизбежная потеря самоконтроля и способности четко воспринимать и трезво оценивать действительность. Ты не подумай, что я тебя осуждаю, это твой выбор, и причины сделать его у тебя, конечно, были. Только, по моему, ты не до конца продумал возможные последствия этого выбора. Заперся на семь замков и думаешь: все, мой дом – моя крепость? Дудки, Серега! Вот он я, сижу в твоей крепости и хлещу твой портвейн. А если бы это был не я, а, скажем, черный риелтор? Выпил бы ты с ним и проснулся наутро бомжем...

– Тогда он бы уже больше никогда не проснулся, – мрачно процедил Казаков. – То есть, как ты говоришь, пятьдесят на пятьдесят: может, конечно, и проснулся бы, но уже не здесь...

– Ты бы сел, – подхватил Бородин, – а на зоне, между прочим, выпивку достать непросто. Да и стоит она дороговато, особенно для человека, которому никто не носит передачи. И вот сидишь ты за колючей проволокой – живой, здоровый, трезвый и сильно страдающий от абстинентного синдрома, – а в твой крепости тем временем обживается новый хозяин... Как тебе такой вариант? Ты этого хочешь? Этого добиваешься?

– Может, уже хватит? – мрачно поинтересовался Сергей, ожесточенно дымя сигаретой.

– Ну вот, все-таки обиделся...

– Да не обиделся я! Просто не люблю пустой треп. Все, что ты мне тут так красочно расписываешь, я лучше тебя знаю: и про здоровье, и про деградацию, и про то, что пьяный для вора – что для голубя хлебный мякиш, подходи и клуй. А толку-то? Какие будут конкретные предложения – начать новую жизнь?

– Не обязательно, – пожал плечами Алексей Иванович. – Твоя жизнь – твое личное дело. Нравится жить, как живешь, – на здоровье, никто тебе не запретит. Только я бы на твоём месте уехал подальше от чужих глаз. Есть у меня один знакомый, он может подобрать подходящий вариант – такой, чтоб тебя и новое место устроило и денег потом на всю оставшуюся жизнь хватило. Ведь, что ни говори, квартирка-то у тебя золотая! Три комнаты почти что в центре – это, Серега, капитал! А ты сидишь на нем как собака на сене и ждешь, когда тебя облапошат.

– О, – с мрачным удовлетворением произнес Казаков. – Ай, Леха, ай, молодца! Сперва черными риелторами пугал, а теперь и сам туда же!

– Да пошел ты в ж..., – обиженно заявил Бородин и сделал вид, что собирается встать и уйти. – Риелтор риелтору рознь, а если думаешь, что на свете все, кроме тебя, мошенники и ворье, говорить нам с тобой больше не о чем. Сколько с меня за портвейн?

Он демонстративно полез в карман, четко осознавая при этом, что рискует здоровьем, а то и жизнью, презрительным тоном предлагая хозяину деньги за угощение.

– А в рыло не хочешь? – подтверждая его опасения, свирепо прорычал Казаков и тоже встал, с грохотом опрокинув табурет.

Впрочем, как и подозревал Алексей Иванович, его боевого пыла хватило ненадолго. Он сразу увял, потускнел, потупился и сел – вернее, попытался сесть на то место, где мгновение назад стоял табурет, и неловко шлепнулся на пол, смешно и нелепо задрал ноги. Сигарета выпала у него из руки и откатилась в сторону, потеряв уголек, который мгновенно прожег в линолеуме черную круглую дырку. Никто из присутствующих не обратил внимания на этот мелкий ущерб, нанесенный золотой, но уже изрядно обветшалой недвижимостью почти в центре Москвы. Казаков тяжело и неуклюже, как старик, возился на полу, пытаясь встать. Алексей Иванович обогнул стол, взял его под локоть, помог подняться, а затем поднял табурет и заботливо, как родной, усадил хозяина. Вблизи от Казакова разлило сложной и неприятной смесью запахов пота, табачища, винного перегара и, кажется, даже мочи.

– Прости, Леха, – сказал он, понутив заросшую спутанными, влажными от пота волосами голову. – Несу сам не знаю что. Деградация, будь она неладна! Прости. Мне надо подумать.

– Конечно, Серега, – сочувственно сказал Бородин. – Думай, сколько надо. Я завтра найду – не за ответом, а так, проведать. Все равно у меня намечаются в этом районе дела по работе, так я заодно и тебя повидать. Ты не против?

Казаков в ответ лишь тяжело помотал головой. Через минуту он уже спал, положив голову на грязный стол и оглашая кухню прерывистым, нездоровым храпом. Алексей Иванович Бородин взял свой атташе-кейс и вышел, напоследок окинув помещение оценивающим, хозяйским взглядом.

Глава 3

Обнесенный легкими железными перилами прямоугольный бассейн дока был залит беспощадным светом мощных галогенных прожекторов. В одном месте в ограждении имелся разрыв, через который можно было попасть к спускающемуся до самой воды и исчезающему под ее поверхностью отвесному стальному трапу. Нержавеющая сталь весело блестела в лучах прожекторов, придавая доку неуместное сходство с обычным плавательным бассейном. Сварные швы на стыках вертикальных и горизонтальных труб порыжели от ржавчины, нижняя ступенька, расположенная на уровне воды, была изумрудной от неистребимых водорослей, и старший прапорщик Палей, хозяйственный, как все прапорщики, подумал, что скоро в док придется направить рабочую команду для очистки бассейна.

Сегодня старший прапорщик выступал в роли начальника конвоя. По этому случаю он был облачен в удобный черный комбинезон и бронежилет, поверх которого была наверхнена прочая амуниция – пистолет, рация, резиновая дубинка, электрошокер, баллон со слезоточивым газом, наручники и, разумеется, автомат. Матово-черный шлем из новомодного пуленепробиваемого пластика, состряпанный по американскому образцу и почти неотличимо похожий на немецкую каску времен Второй мировой, венчал его крупную голову, лицо прикрывала прозрачная плексигласовая пластина. Палей стоял у прохода в ограждении, почти поровну деля свое внимание между черной водой, что плескалась о покрытые зеленой слизью бетонные стенки, и группой подконвойных. Подконвойные неровной шеренгой стояли поодаль, у стены, равнодушно глядя в дула направленных на них автоматов охраны. Их было двадцать человек, из чего следовало, что сегодняшняя партия груза сравнительно велика.

За спиной у старшего прапорщика находился автопогрузчик, со стрелы которого вместо крюка и талей свисало что-то вроде ременной сбруи с пряжками. За рулем погрузчика сидел водитель в пятнистой армейской униформе. От погрузчика пахло соляжкой, дымом и резиной, так что о его присутствии было бы несложно догадаться, даже если бы Палей не знал, что он тут.

Прапорщик посмотрел на часы, браслет которых был застегнут поверх рукава комбинезона. Морячки сегодня запаздывали. Впрочем, море – вещь непредсказуемая, и судам нелегко придерживаться четкого расписания. Давным-давно, в детстве, школьнику Женьке Палею иногда случалось заболеть и не пойти в школу. Само по себе это было неплохо, вот только гулять ему, больному, строго-настрого запрещали, а других развлечений, не связанных с беготней по двору, он в ту пору не знал. Кабельного ТВ тогда не было, телевизор показывал три программы (из них две – с такими помехами, что их было решительно невозможно смотреть), о видеомagneтoфoнe, учитывая заработки матери, не приходилось и мечтать, и будущий прапорщик поневоле, от скуки, читал книги, которые таскал ему из школьной библиотеки младший братишка. В одной из них он прочел, что моряки старательно избегают утверждений типа: «Будем там-то и там-то тогда-то и тогда-то», считая, что это верный путь очутиться не «там-то и там-то», а на дне. Они вообще чудной народ, моряки. По морю они не плавают, а ходят – плавают, видите ли, только дерьмо, – и чуть ли не для всего на свете у них есть свои, чудные, нерусские названия: вместо порога – комингс, вместо скамейки – банка (мель у них, кстати, тоже почему-то банкой называется), вместо кухни – камбуз, а вместо сортира – галюн... А с другой стороны, служба у них тяжелая, да и требуется от них, как и от всех на свете, только одно – чтоб исправно делали свое дело. А между собой пусть хоть и вовсе по-русски не разговаривают, это их внутренняя, военно-морская проблема...

Словно в ответ на мысли старшего прапорщика, вода в продолговатой ванне дока заколыхалась сильнее. Где-то в глубине возникло и начало разгораться, превращая воду из непроглядно черной в зеленовато-прозрачную, туманное свечение. Вскоре оно набрало полную силу, превратившись в два круглых, как пара любопытных глаз, ярких световых пятна, и вдруг

погасло. За мгновение до того, как это произошло, старший прапорщик успел разглядеть плавно поднимающееся из глубины темное веретенообразное тело и, как обычно, испытал при этом легкое волнение: ему, человеку сухопутному, выросшему в местности, где не было даже реки, это зрелище до сих пор было в диковинку.

Темная вода в центре бассейна забурилась, вспучилась горбом, расступилась и схлынула, оставив на поверхности черный стальной гриб командирской рубки. Гриб вырастал на глазах в плеске волн и пенных струях стекающей с него, хлещущей из каких-то отверстий, брызжущей во все стороны, глухо шумящей воды. Вслед за рубкой над поверхностью появилась верхняя часть корпуса с палубным настилом из дырчатого рифленого железа; винты коротко вспенили воду за кормой, над водой поплыл пахнувший соляной сизый дым, и миниатюрная субмарина мягко привалилась черным мокрым бортом к сделанным из старых автомобильных покрышек кранцам.

Личный состав боевого охранения, появившись словно ниоткуда, занял позиции по периметру дока, десяток автоматов и противотанковый гранатомет нацелились на судно. Если бы на подлодке сюда вдруг пожаловали незваные гости, им пришлось бы несладко: как выразился однажды известный в свое время политик, жили бы они плохо, но недолго.

Впрочем, чуда, как всегда, не произошло, и, когда люк субмарины откинулся, из него показалась не штурмовая группа, а всего-навсего командир подлодки, наглядно знакомый Палей капитан-лейтенант. Водить с моряками личное знакомство охране запрещалось категорически, так что фамилии каплея старший прапорщик не знал и даже звание его узнал случайно: один из матросов, видимо забывшись, в его присутствии назвал командира товарищем капитан-лейтенантом. Видимо, матросику потом за это здорово влетело, потому что безымянный каплей, как и все его подчиненные, явно неспроста носил робу без знаков различия.

Ловко, как большая обезьяна, перемахнув с палубного настила своей лодки на отвесный трап, каплей в два рывка вскарабкался наверх и выпрямился на краю бассейна. Палей коротко козырнул; каплей козырнул в ответ, после чего они обменялись рукопожатием.

– Можно приступать? – спросил Палей.

– Приступайте, – коротко, резко кивнул подводник. – Забирайте их к чертовой матери, вся лодка провоняла этой падалью...

Отойдя в сторонку, он привалился задом к перилам ограждения (которые на его странном языке именовались леерами) и с видимым наслаждением закурил, демонстрируя полное презрение к здешним порядкам, установленным не для него.

Прапорщик кивнул водителю погрузчика, и тот запустил мотор. Бетонированная пещера дока наполнилась грохотом и треском выхлопов, в лучах прожекторов за клубился сизый дым. Стрела подъемника передвинулась правее, немного поерзала из стороны в сторону и опустилась. Укрепленная на тросе ременная сбруя скрылась в черной пасти открытого люка; со стороны это немного напоминало игру, в которой для победы нужно как можно точнее попасть привязанным к леске на конце удилица грузиком в горлышко бутылки.

Из лодки, придерживаясь рукой в рабочей рукавице за трос, выбрался бритоголовый морячок в застиранной брезентовой робе и стал на краю люка, глядя вниз. Корни волос у него были светлые, почти белые, а лицо и шея – кирпично-красные, обгорелые на солнце, из чего следовало, что парнишка либо новенький, либо недавно вернулся из отпуска. Палей ему позавидовал: сам он, как и его сослуживцы, не был в отпуске уже давненько, и счет этого «давненько» шел не на месяцы, а на годы. Все они здесь были иссиня-бледные, как покойники, но не замечали этого – по крайней мере, до тех пор, пока в поле зрения не появлялся кто-нибудь наподобие вот этого морячка. Подконвойные были не в счет, да и не родился еще, наверное, такой болван, чтобы им позавидовал, будь они хоть трижды загорелыми.

Матрос поднял кверху рукавицу, подавая интернациональный сигнал: вира! Двигатель погрузчика затрещал громче, замасленный трос начал наматываться на барабан, и вскоре из

люка появился схваченный ременной сбруей продолговатый тюк из черной материи – вернее, не тюк, а мешок, вроде тех, в которые пакуют покойников на месте происшествия, только не пластиковый, а полотняный. Он висел строго вертикально; морячок придержал его, не давая раскачиваться, махнул рукой водителю погрузчика, стрела повернулась, и груз мягко опустился на бетон причальной стенки.

Здесь его уже ждали. Двое подконвойных в серых робах сноровисто уложили тюк на носилки, затянули привязные ремни, схватились за ручки, дружно оторвали ношу от земли и в сопровождении автоматчика быстро зашагали в сторону приемного отсека. Их место заняли двое других, тоже с носилками; подконвойные работали молча и быстро, с деловитой целеустремленностью муравьев, но без муравьиной толкотни и суеты. Над черной полоской воды между бортом субмарины и причальной стенкой уже покачивался новый продолговатый тюк. Это был рабочий материал, и, пока в нем не отпала нужда, с ним обращались крайне бережно, как с хрупким дорогостоящим оборудованием.

Операция повторилась десять раз; десять пар носильщиков, каждая в сопровождении вооруженного, готового ко всему охранника, почти бегом удалились в сторону приемного отсека. Потом стоявший на крыше рубки морячок поднял над головой скрещенные руки в испачканных черной графитовой смазкой рукавицах и нырнул обратно в люк. Водитель погрузчика привел стрелу в транспортное положение, ловко развернул свой агрегат и укатил в гараж. В доке наступила тишина, после треска и грома дизельных выхлопов показавшаяся оглушительной. Сизый дым медленно рассасывался и таял, уходя в невидимые вентиляционные каналы, в бассейне негромко плескалась пахнувшая йодом и солью вода. На причале остались только окружившие бассейн автоматчики, старший прапорщик Палей да капитан-лейтенант в линялой бледно-синей робе без знаков различия. Расстегнув планшет, он вынул оттуда и протянул прапорщику разграфленную грузовую ведомость с галочкой внизу листа – там, где следовало расписаться. Вместе с ведомостью он протянул и планшет.

– Десять, – сказал Палей, пристраивая бумагу на планшете и ставя неразборчивый росчерк поверх галочки. – Многовато сегодня.

– Многовато, – согласился командир подлодки, убирая ведомость в планшет. – Возим и возим, как картошку... Что вы тут с ними делаете – едите?

– Тебе правду сказать или соврать что-нибудь? – спросил Палей.

– Ну, соври, если не лень.

– Франкенштейнов выводим, – с удовольствием соврал соскучившийся по свежему собеседнику старший прапорщик. – Боевых упырей для заброски в тыл потенциального противника.

– Тьфу, – сказал каплей и действительно сплюнул в бассейн. Плевков закачался на мелкой волне, отчетливо белея на фоне темной воды. – А если серьезно?

Старший прапорщик Палей поднял пластиковое забрало шлема и внимательно посмотрел ему в лицо. Каплей смущенно отвел взгляд, хотя по его виду было невозможно предположить, что он умеет смущаться.

– Если серьезно, – медленно, веско проговорил Палей, – то я, ей-богу, и сам не знаю. А если совсем-совсем серьезно, то ты не имеешь права мне такие вопросы задавать, а я – на них отвечать.

– И то правда, – согласился каплей, вынул из кармана пачку сигарет, повертел ее в руках и, почему-то передумав курить, снова спрятал в карман. – А не жалко?

– Кого? – искренне не понял прапорщик.

– Их. Люди все-таки.

– Да какие они люди? – изумился Палей.

– И то правда, – повторил капитан-лейтенант и, не прощаясь, ловко, одним прыжком, перемахнул с причала на борт субмарины.

Палубный настил загудел под его башмаками. Вскрабавшись на крышу рубки по приваренным к корпусу стальным скобам, каплей отработанным до автоматизма плавным движением скользнул в люк и скрылся из вида. Тяжелая крышка захлопнулась; потом зарокотал, плюясь сизым дымком, дизельный движок, вода вдоль бортов подлюдки вспенилась, забурилась, и прочный стальной корпус начал быстро погружаться. Вскоре над поверхностью воды осталась только сужающаяся кверху телескопическая труба перископа, потом исчезла и она. Черная, пятнистая от бликов вода с радужными масляными разводами тяжело плескалась о бетонные стенки; потом в глубине опять зажегся размытый свет прожекторов, начал удаляться, меркнуть и через некоторое время исчез совсем.

Палей засек время, выждал предписываемые инструкцией пятнадцать минут и командовал караулу строиться. Когда слитный топот двух десятков обутых в солдатские башмаки ног стих в отдалении, в рукотворной пещере дока остался только часовой, который, как всегда, лениво прохаживался вдоль ограждения бассейна, положив руки на вороненый казенник автомата. Примерно через час, строго по расписанию, в отдалении возник нарастающий гул, послышался мягкий перестук колес и из тоннеля выкатилась электрическая вагонетка. Часовой помахал рукой, и водитель в общевоинском комплекте химической защиты махнул ему в ответ трехпалой резиновой рукавицей. Вагонетка скрылась в проходе, ведущем к похоронной камере, и вскоре оттуда донеслись тревожные крякающие вскрики включившейся сигнализации.

* * *

Подполковник столичной ГИБДД Пермяков был весь округлый, крепенький, как боровик, с большим носом и густыми, любовно ухоженными усами, которые, несмотря на все его старания, не добавляли добродушной физиономии подполковника ни капельки свирепости. Впрочем, Борис Рублев был знаком с ним не первый год и знал, что в случае нужды Павел Егорович бывает достаточно крут. В этом только что имели случай убедиться двое его подчиненных; даже сидя в приемной, за двойной, плотно закрытой дверью, Рублев слышал, как орал господин подполковник и какими страшными карами грозил проштрафившимся инспекторам.

Несколько лет назад Борис Иванович оказал Пермякову, с которым тогда вовсе не был знаком, одну услугу, отвадив от его дочери дружка-наркомана со товарищи. Пермяков оказался внимателен к доброму, да и мужик он был хороший, в меру твердый, что позволило ему сохранить нормальные человеческие качества даже на той собачьей работе, которой он занимался. Близкими друзьями они не стали, но встречаться с ним Рублеву было приятно, тем более что Павлу Егоровичу в свое время тоже довелось повоевать, и воевал он, по отзывам, неплохо – не как профессиональный спецназовец, но честно, храбро и достаточно грамотно. И о войне он говорил, как настоящий солдат, крайне неохотно, а когда уж очень сильно донимали расспросами, отделялся пересказом смешных случаев и расхожих войсковых побасенок, так что у собеседника (если собеседник был не шибко большого ума) складывалось впечатление, что подполковник Пермяков целых полгода не воевал в Чечне, а прохладился в санатории для сотрудников МВД. Он был Борису Ивановичу симпатичен, да и решать периодически возникающие проблемы с дорожными инспекторами теперь стало не в пример легче. «Полезное знакомство», – подумал Рублев и невесело усмехнулся, вспомнив о дне рождения, на который безнадежно опоздал, новых полезных знакомств, которыми не обзавелся, и роскошном, многострадальном букете роз, который теперь оставалось только выбросить в первую попавшуюся урну.

О том, что повод для встречи у них нынче не самый приятный, лишний раз напоминала побагровевшая от гнева лысина господина подполковника, которую тот периодически вытирал мятым клетчатым носовым платком.

– Зря ты на них так набросился, Пал Егорыч, – сказал ему Рублев. – Ну, переусердствовали, ну, дали маху, так ведь без злого умысла! Ведь была же, наверное, ориентировка или как там это у вас делается...

– Мне виднее, зря или не зря, – проворчал Пермяков, понемногу остывая, и снова вытер платком лысину. – Ориентировка... Конечно, ориентировка была, как же без ориентировки! Зеленая такая, и портрет на ней – не твой, а президента Соединенных Штатов Бенджамина Франклина. Симпатичный такой старикан – лысый, как я, но в буклях. И без усов. Очень популярная во всем мире личность, за его портреты люди друг другу глотки рвут. А бывает, объявляют в розыск абсолютно чистые, купленные на законных основаниях, не числящиеся в угоне автомобили.

– Хочешь сказать, что это была подстава?

– По-моему, уже сказал. Кому-то ты, Борис Иванович, крепко насолил. И я, кажется, даже догадываюсь кому. У тебя в последнее время неприятности с ФСБ были?

Рублев слегка опешил.

– Эх ты, Егорыч, хватил, – сказал он растерянно. – Я кто, по-твоему, – террорист? Наркобарон?

– Ну, может, я не совсем правильно выразился, – согласился подполковник. – Необязательно с ФСБ как организацией. А с отдельно взятыми сотрудниками – было?

Борис Иванович пожал широкими плечами.

– С теми, кого лично знаю, не было, – уверенно заявил он. – И быть не могло. А от прочих я стараюсь держаться подальше. На кой ляд они мне сдались? Ты, вообще, к чему клонишь?

Пермяков подвигал усами, потеревил кончик носа и снова вытер платком лысину, которая уже приобрела нормальный оттенок. Он пребывал в явном и решительно непонятном Борису Ивановичу затруднении. Хотя, когда речь заходит о неприятностях с ФСБ, в затруднительном положении может оказаться любой, особенно человек в погонах.

– Видишь ли, – наконец заговорил подполковник, – машина твоя, как ты знаешь, все эти дни находилась на штраф-стоянке. Так вот, уже в первый день около нее был замечен какой-то тип – ходил вокруг, приглядывался, принюхивался... И, главное, никто до сих пор не понял, как он туда попал. Когда к нему подошли, он предъявил удостоверение сотрудника ФСБ, причем, заметь, подлинное, а не из подземного перехода. Объяснить цель своего пребывания на штрафной стоянке ГИБДД он отказался, и его оттуда выдворили...

– Причем с удовольствием, – рискнул предположить Рублев.

– Не без того, – согласился Павел Егорович. – Мы в твой огород не лезем, и ты в наш не суйся. Сначала получи санкцию, уладь вопрос с нашим руководством, тогда и поглядим, имеешь ли ты право здесь находиться. Короче, обычным порядком, все как всегда. Но дело не в этом. В конце концов, можно предположить, что парень забрел туда, чтобы присмотреть себе приличные колеса из конфиската по остаточной стоимости, и твоя тачка ему просто приглянулась...

– Сомнительно, – задумчиво произнес Борис Иванович. – Это ведь не «бентли» и даже не «БМВ»...

– Вот, – утвердительно воскликнул Пермяков, – зришь в корень! Не «БМВ», верно. И это, братец, еще не все. Те два олуха, которые тебя задержали и которых ты тут пытаешься оправдать, только что признались, что наводку на твою машину получили по каналу ФСБ. И после этого ты мне будешь рассказывать, что у тебя с ними никаких трений? Давай, Боря, вспоминай, кому в последнее время соли на хвост насыпал! Может, толкнул кого-то ненароком, или на дороге подрезал, или еще что-нибудь?.. У человека ведь на лбу не написано, из ФСБ он или из жилконторы...

Борис Иванович понял все еще до того, как подполковник кончил говорить. Ему отчетливо вспомнилось утро того злополучного дня, когда патрульные отобрали у него машину на

том основании, что она якобы числится в угоне: «тойота», из-за которой он не мог попасть в свою машину, ссора с ее хамоватым и не совсем трезвым хозяином, заброшенный в мусорный бак травматический пистолет... И слова сидящего на асфальте толстяка, в тот момент показавшиеся пустыми угрозами, попыткой махать кулаками после драки: дескать, не на того руку поднял, как бы тебе после об этом не пожалеть. И расплата, последовавшая всего через час после инцидента – то есть практически мгновенно, причем, если верить Пермякову, по линии ФСБ... Ну, а то по какой же! Кто еще мог так оперативно, буквально одним звонком по телефону, все это организовать?

– Черт, – сказал он огорченно. – А я-то думал, что это просто ошибка, недоразумение...

– Ага, – сказал Пермяков, – вспомнил? Давай выкладывай. Да без утайки, как семейному доктору или адвокату. Дело-то серьезное, с этой конторой шутки плохи!

Рублев и сам понимал, что дело серьезное. Даже случайное недоразумение, ставшее следствием путаницы в базе данных ГИБДД, вполне могло обернуться конфискацией автомобиля. А «недоразумение», организованное чекистами, могло обойтись намного дороже – насколько именно дороже, даже страшно было подумать.

– Черт, – повторил он. – Надо было сразу его прикончить. Или хотя бы врезать гаду как следует. Тогда хоть знал бы, за что страдаю.

– Да, – сочувственно покивал лысой головой Пермяков, – это как в одной книжке сказано: раненый полицейский хуже дикого кабана, его надо либо сразу убивать, либо вообще не трогать.

– Хорошая книжка, – вздохнул Рублев. – И наверняка со счастливым концом.

– Ну, мы-то не в книжке живем, – напомнил подполковник. – Так что выкладывай по порядку.

Борис Иванович нехотя стал выкладывать все по порядку: про день рождения, про букет, про заблокированные двери, предложение забраться в машину через багажник и все, что за этим предложением последовало, вплоть до трогательной сцены прощания с сидящим на земле толстяком.

– Ты в своем репертуаре, – дослушав до конца, проворчал подполковник. – Сила есть – ума не надо. Так, говоришь, номера смоленские? А поточнее припомнить не можешь?

– А чего припоминать, – сказал Рублев. – Я на этот его номер до тошноты насмотрелся, пока вдоль стоянки прохаживался. Пиши, если это поможет.

Он продиктовал регистрационный номер «тойоты». Павел Егорович снял трубку телефона и стал, держа ее в руке, тыкать указательным пальцем в кнопки, набирая номер. Свободной рукой он открыл тумбу письменного стола, извлек оттуда початую бутылку водки и показал ее Рублеву, вопросительно приподняв брови: будешь? Борис Иванович в ответ лишь пожал плечами: почему бы и нет? Пермяков удовлетворенно кивнул: правильно, наш человек, – поставил бутылку на стол и полез в тумбу за рюмками.

Отдавая по телефону необходимые распоряжения, касающиеся установления личности владельца «тойоты», он продолжал, перекосившись набок, свободной от трубки рукой доставать из тумбы и выставлять на стол немудреную закуску: бутерброды с колбасой и домашними котлетками, огурчики, помидорчики и прочую петрушку. Прервав соединение, он сейчас же набрал новый номер и стал уже совсем другим, отнюдь не приказным тоном расспрашивать какого-то Петра Игнатьевича о здоровье и семейных делах. Попутно он извлек откуда-то складной нож и протянул его Рублеву, красноречиво кивнув на закуску. Борис Иванович кивнул в ответ, раскрыл лезвие, оказавшееся отточенным до бритвенной остроты, и принялся крупно, по-мужски, строгать зелень. Зелени было немного; бутербродов тоже оказалось всего четыре штуки, и он, чтобы не сидеть без дела, разрезал каждый из них пополам, с неловкостью думая при этом, что не только эксплуатирует полезное знакомство, но еще и оставляет это самое знакомство без принесенного из дома, заботливо собранного женой обеденного перекусона.

Не прерывая разговора, со стороны выглядевшего просто дружеской болтовней, Павел Егорович пощелкивал кнопкой компьютерной мыши и неумело тыкал указательным пальцем в клавиши. Он оторвался от этого занятия лишь один раз – вопросительно взглянул на Бориса Ивановича, кивнул на бутылку и сделал круговое движение над рюмками, предлагая посетителю не сидеть просто так, глаза по сторонам, а заняться делом, – после чего снова уставился в монитор.

Рублев наполнил рюмки, а потом, не дожидаясь особого распоряжения, прогулялся к входной двери и запер ее на ключ. Это самоуправство было встречено одобрительным кивком хозяина; потом его устремленный на монитор взгляд стал внимательным и цепким, глаза забегали из стороны в сторону, явно читая какой-то текст. При этом подполковник продолжал разговаривать, громогласно и довольно язвительно высказывая сомнения в правдивости слов какого-то Кузьева, утверждавшего, что в прошлое воскресенье выловил из Оки семикилограммовую щуку.

– Да брешет, брешет, как последний дворовый кобель, – посмеиваясь, говорил он в трубку, маня Бориса Ивановича пальцем. – Он же сам из прокуратуры, а значит, на слово даже родной жене не верит... А? Жене – в последнюю очередь? Да, тоже верно... – Он рассмеялся. – Ну, так я же и говорю: была бы щука, он бы ее непременно предъявил. Так и бегал бы с ней по знакомым, пока она у него не протухла бы. А то – ни щуки, ни фотографий, ни свидетелей... Уху он, видите ли, из нее сварил! Раз свидетелей не было, значит, рыбачил один. А сколько ухи можно сварить из семикилограммовой щуки? И какое брюхо надо иметь, чтобы в одиночку все это умять? Врет как сивый мерин, даже слушать не хочу!

Повинуясь призывному мановению его толстого указательного пальца, Борис Иванович встал, обогнул стол и посмотрел на монитор. На мониторе красовалась хорошо знакомая ему щекастая физиономия – правда, трезвая, без апоплексического румянца на щеках и с серьезной, значительной, немного глуповатой, как это всегда бывает на фотографиях в официальных документах, миной. Золотую цепь скрывала белая рубашка с широким галстуком, но человек был точно тот самый, с которым Рублев повздорил на стоянке. «Михайлов Василий Андреевич», – прочел он, утвердительно кивнул в ответ на требовательный взгляд Пермякова и вернулся на свое место за столом для совещаний.

– Послушай, Петр Игнатьевич, – недобро щурясь на монитор, прежним легким, праздным тоном продолжал подполковник, – ты извини, конечно, но у меня к тебе дело. Ничего особенно важного или, упаси бог, криминального, но хотелось бы навести справки об одном человеке. Да, по вашему ведомству...

Рублев слушал, как он воркует и сыплет прибаутками, уламывая собеседника поделиться с ним не подлежащей разглашению информацией, и опять испытывал растущую неловкость. Было без очков видно, что Павел Егорович в данный момент не просто напрягает, а, пожалуй, даже перенапрягает одно из своих собственных полезных знакомств, рискуя раз и навсегда его потерять. Так и подмывало сказать: «Да плюнь ты, Егорыч, само как-нибудь рассосется», но Пермяков был прав: судя по всему, дельце вырисовывалось не из тех, что рассасываются сами собой. Толстопузый Василий Андреевич Михайлов оказался мстительным и злопамятным и, не имея возможности справиться с противником в честном бою один на один, начал использовать для сведения личных счетов свои весьма широкие служебные полномочия. Борис Рублев уже давно перестал быть настолько наивным, чтобы в подобной ситуации надеяться на защиту закона. «Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло», – говорят в народе, а Михайлов, если и впрямь служил в ФСБ, был как раз из тех людей, которые это дышло ворочают – когда по приказу сверху, а когда и по собственному разумению, как в данном случае. Незаметный со стороны поворот на сотую долю градуса мог стереть Бориса Ивановича в порошок, а ему, как ни странно, по-прежнему хотелось жить – и по возможности на свободе.

Тем не менее, когда Пермяков положил трубку, он высказал ему свои соображения по поводу злоупотребления полезными знакомствами и принес подобающие случаю извинения.

– Забудь, – отмахнулся Павел Егорович. – Нашел о чем говорить! Ты мне дочь вернул, мне этот должок до самой смерти не выплатить. Давай-ка лучше накатим по маленькой, полчасика, как ни крути, подождать придется. А то и часок...

Борис Иванович воздержался от продолжения дискуссии. В словесных прениях он был не силен, да и Пермяков поступил так, как поступил бы в схожей ситуации сам Борис Рублев – то есть, по его разумению, абсолютно правильно. А спорить с тем, что сам считаешь единственно верным, – значит кривить душой, чего Борис Иванович не любил и никогда по-настоящему не умел.

Они выпили по одной, закусили чем бог послал, и Пермяков затеял разговор на отвлеченные темы – несомненно, с целью убить время и разрядить обстановку. В ходе этого разговора Борис Иванович еще раз, уже во всех подробностях, выслушал историю о следователе прокуратуры Кузьяеве и его пресловутой шуке, а также расширенный комментарий подполковника Пермякова по этому поводу. В ответ он пересказал Павлу Егоровичу услышанную на днях свежую рыбацкую байку; байка прошла на ура, Пермяков хохотал до слез и, отсмеявшись, предложил выпить за рыбалку. Они выпили за рыбалку, и подполковник переключился на истории о чудачествах участников дорожного движения. Тема была благодатная, буквально неисчерпаемая, рассказывать Павел Егорович умел, и время летело незаметно.

Потом зазвонил телефон. То есть телефоны на столе, числом три, трезвонили почти непрерывно, и Пермяков их благополучно игнорировал. Но на этот звонок он отреагировал почти мгновенно и, на полуслове оборвав очередную байку, схватился за трубку. Борис Иванович всерьез задумался о его интуиции, граничащей с экстрасенсорными способностями, но потом вспомнил о существовании телефонных аппаратов с автоматическим определителем номера и немного успокоился: никакой мистикой тут и не пахло.

Разговор свелся в основном к выражениям горячей благодарности, на которые не поспешил подполковник. Затем он повесил трубку и ткнул пальцем в кнопку включения аппарата факсимильной связи. Факс зажужжал, заурчал, и из него полезла какая-то бумага. Пермяков нетерпеливо выдернул ее из щели печатающего устройства едва ли не раньше, чем аппарат перестал жужжать, и, морщась из-за скверного качества печати, пробежал глазами.

– Ну, так и есть, – сказал он, кладя бумагу на стол перед собой и припечатывая сверху широкой мясистой ладонью. – Михайлов Василий Андреевич, подполковник, неделю назад переведен в Москву из управления по Смоленской области. Пока не подыскал квартиру, проживает у родственников по известному тебе адресу...

– Подполковник, – хмыкнул Рублев. – Что-то для подполковника ФСБ машинка у него не шибко солидная. Да и габариты у него не для этой коляски...

– Не о том думаешь, Борис Иваныч, – попенял ему Пермяков и заглянул в полученную объективку. – Ну, правильно, это машина его жены. Оформлена на него, а катается жена. А его «лексус» сейчас в ремонте, проходит предпродажную подготовку – там подтянуть, здесь подкрасить, тут подшаманить...

– Машина жены, говоришь? – Борис Иванович ухмыльнулся. – То-то он так взвился, когда я ее за зад ухватил! Забыл, наверное, с пьяных глаз, кто с ним под одеялом ночевал, а кто – на стоянке...

– Или они с кормы похожи как две капли воды, – предложил свой вариант Пермяков. – Шутки шутками, Боря, но конфликт надо как-то улаживать. Причем лучше прибегнуть к дипломатическим средствам...

– Ох, не моя это стихия – дипломатия, – вздохнул Рублев. – Да и не больно-то хотелось перед ним расшаркиваться. Ты рожу его видал? Так это еще очень удачная фотография, а в жизни – упырь упырем, так бы и проткнул его осиновым колом.

– Не навоевался еще? – проворчал Пермяков. – Смотри, Борис, это может плохо кончиться. Эта война будет вестись по его правилам, в которых ты ни бельмеса не смыслишь. Смотри! Когда тебя остановят в следующий раз и найдут где-нибудь в багажнике или за обшивкой салона пакетик с белым порошком, тебя уже никто не выручит, кроме Господа Бога, в которого ты, насколько мне известно, не веруешь. Поэтому, если не хочешь или не можешь решить дело миром, я бы советовал на время уехать из города, и лучше всего – общественным транспортом. Если надо, я помогу найти надежный гараж, где твоя машина будет под присмотром. А ты слетай куда-нибудь к морю, отдохни с месячишко, а там, глядишь, все как-нибудь само утрясется. Он либо успокоится – ну не может же человек вечно беситься из-за такой ерунды, – либо ему здесь обломают рога. А то, как я погляжу, перевод в столицу основательно вскружил ему голову. Забылся человек, потерял точку сборки – подполковник, а ведет себя как депутат Государственной думы. А Москва – это ему не Смоленск, тут на неприятности нарваться – раз плюнуть. Да он уже и нарвался. Петр Игнатьевич – мужик въедливый, непременно захочет выяснить, с чего это я его новым подчиненным заинтересовался...

– А когда выяснит?

Павел Егорович едва заметно пожал плечами.

– Ну, насколько я его знаю, для начала промолчит и возьмет под негласный личный контроль. А потом, в зависимости от выводов, к которым придет, либо поговорит с ним начистоту – дескать, кончай ерундой заниматься и берись за дело, иначе не сработаемся, – либо покажет кузькину мать. В какой именно форме, зависит от обстоятельств, но в этом случае я твоему знакомому не завидую... Но имей в виду, это – самый благоприятный из возможных исходов. Неизвестно, чего этот Михайлов может про тебя наплести, какая у него рука, под кем он ходит, кто ему устроил этот перевод. А когда тебя осудят за хранение и распространение наркотиков, будет уже неважно, хороший он работник или плохой и как к нему относится руководство. Он – это он, а ты – это ты, и искать связь между вашей потасовкой и найденной в твоей машине или прямо у тебя дома наркотой никто, поверь, не станет. И доказать, что тебя просто подставили, будет, скорее всего, невозможно. В таких случаях они работают чисто, без сучка и задоринки – одно слово, профессионалы, да и методы эти разрабатывались не одну сотню лет. Поэтому, повторяю, лучше тебе с ним договориться полюбовно. Извинись, в конце-то концов, язык у тебя от этого не отвалится и хребет не переломится.

– М-да, – неопределенно промямлил Борис Иванович, придерживавшийся по этому поводу прямо противоположного мнения, но понимавший, что это мнение лучше держать при себе, чтобы не показаться собеседнику неблагодарной свиньей. – Спасибо тебе, Павел Егорович, выручил. И за информацию спасибо, и за добрый совет.

– Лучше бы ты этому совету внял, – сказал Пермяков, разливая по рюмкам остаток водки. – Поверь, это в твоих интересах.

– Верю, – вздохнул Рублев. – И не просто верю – знаю. Спасибо. Я постараюсь. Возьму бутылку, посидим, поokaем... Мужик же он, в конце-то концов!

– Вот именно, – кивнул Пермяков.

Кивок был утвердительный, как и только что прозвучавшая фраза, но в голосе подполковника Борису Ивановичу почудились нотки явного сомнения.

Глава 4

Благими намерениями вымощена дорога в ад. Это общеизвестно; Борис Иванович Рублев не был исключением из общего правила и не только неоднократно слышал, но и частенько употреблял это расхожее выражение. Но сегодня ему выпал случай еще раз убедиться в его правдивости применительно даже к самым простым, повседневным, житейским делам и поступкам.

Смирив гордыню, движимый исключительно благими намерениями, он забрал машину со штрафной стоянки и направился в ближайший продуктовый магазин за бутылкой, которую собирался распить с подполковником ФСБ Михайловым. По дороге ему встретилась автомойка, и он решил, что содержимое упомянутой бутылки вряд ли испортится, стоя на магазинной полке, за то время, что он потратит на приведение своего автомобиля в божеский вид. Несколько дней, проведенных в плену, сказались на внешности машины не лучшим образом: ее основательно занесло пылью, а пара прошедших за это время дождей не смыла, а, наоборот, закрепила грязь, сделав пылевой покров рябым, пятнистым и хорошо заметным даже издалека. Наглые московские вороны тоже внесли свою лепту, изукрасив капот и крышу броскими автографами, и в целом машина выглядела так, словно ее только что забрали со свалки, где она, никому не нужная, простояла не меньше года.

Дождаясь своей очереди заехать на мойку, Рублев тщательно обследовал багажник и салон машины, поводит рукой под обоими бамперами, основательно при этом испачкался, но зато немного успокоился: никаких посторонних предметов в машине не обнаружилось, а все ранее находившееся в ней имущество пребывало в целостности и сохранности. Уцелел даже увядший, осыпавшийся букет в подарочной упаковке; выгребая с заднего сиденья сморщенные лепестки, Борис Иванович задумался, что ему делать с остальными подарками. Вино еще туда-сюда, его можно выпить за обедом, но как быть с конфетами? Ведь их, елки-палки, даже детишкам во дворе не раздашь: времена нынче такие, что детвора с воплями разбежится от незнакомого дяденьки, пытающегося угостить ее конфетками, – а вдруг маньяк? Или конфеты у него отравленные, или еще что-нибудь... А тут еще бдительные мамы и бабушки набегут, и кончится все это опять в отделении милиции...

На мойке он провел в общей сложности минут тридцать пять – сорок. Позднее стало ясно, что эти минуты сыграли в его судьбе не самую положительную роль; не подвернись ему эта чертова мойка, его благие намерения, вполне возможно, осуществились бы наилучшим образом. Но знать, чем обернется его следующий шаг, не дано никому; во всяком случае, Борис Иванович Рублев таким свойством не обладал, и, выгоняя отмытую до скрипа машину из жестяного ангара мойки, он не предвидел никаких неприятностей – кроме, разумеется, предстоящего унижения, связанного с распитием мировой с человеком, который был ему до крайности несимпатичен.

Он без приключений приобрел в ближайшем гастрономе бутылку неплохого коньяка, вывел машину с парковки и направился к родным пенатам. Денек выдался пасмурный, небо хмурилось, суля дождик, и после адской жары, стоявшей всю последнюю неделю, это было даже приятно. Коньяк, которого он, как правило, не употреблял, отдавая предпочтение водке, навел его на счастливую мысль скормить шоколадные конфеты подполковнику ФСБ Михайлову: судя по комплекции, тот употреблял в пищу все, что не движется или движется, но медленно – в том числе, наверное, и шоколад. Вот пусть и трескается, пока его прыщами не обсыплет...

Впереди, метрах в ста, зеленый сигнал светофора замигал и сменился желтым. Борис Иванович снял ногу с педали газа и передвинул рычаг переключения передач в нейтральное положение. Он уже начал понемногу притормаживать, когда из-за росшего на газоне дерева прямо под колеса его машины шагнул какой-то человек. Рублев резко ударил по тормозам,

машина встала как вкопанная, и неосторожный пешеход распластался на капоте, широко раскинув руки, как будто пытаясь дружески обнять едва не сбивший его автомобиль.

Первым делом в глаза Борису Ивановичу бросились розовые, как у лабораторной крысы, белки испуганно выпученных глаз, всклокоченная шевелюра и трехдневная щетина на помятой физиономии потерпевшего. Отметив про себя эти признаки длящегося уже не первый день запоя, Рублев потянулся к дверной ручке и замер, не веря собственным глазам: сквозь покатоое ветровое стекло с расстояния в каких-нибудь полметра на него смотрел, глупо моргая слезящимися воспаленными глазами, взводный командир его батальона Сергей Казаков – геройский парень, когда-то спасший без малого две сотни солдатских жизней и каким-то чудом ухитрившийся уцелеть там, где уцелеть было попросту невозможно. Время и алкоголь сказались на его внешности далеко не лучшим образом, но сомнений быть не могло: это был Сергей Казаков собственной персоной.

Бориса Ивановича будто ветром вынесло из машины. Казаков уже стоял, слегка пошатываясь и оглядываясь по сторонам с таким видом, словно никак не мог сообразить, куда ему теперь податься – дальше через дорогу или назад, на газон. Рублев подскочил к нему, радостно схватил за плечи и встряхнул.

– Ну, чего, чего? – заплетающимся языком забормотало то, что осталось от героя-десантника. Вблизи от бывшего взводного так и разило кислым винным перегаром и застарелой грязью. – Чего хватаешь? Цел я, и тачка твоя цела. Извини, что так вышло. Виноват, не спорю, а руками хватать меня не надо. Все равно взять тебе с меня нечего, кроме анализов, так что не надо меня хватать...

– Серега, ты что, своих не узнаешь? – снова встряхнув его, как мешок с костями, сказал Борис Иванович. – Глаза-то разуй, десантура!

Взгляд пьяного с видимым усилием сфокусировался на лице Рублева. На какой-то миг его лицо исказилось, словно от сильной боли, в глазах вспыхнул и сейчас же погас огонек узнавания. Казаков отвернулся и, двинув плечами, высвободился из объятий своего бывшего батальонного командира.

– Я вас не знаю, – мертвым, бесцветным голосом заявил он, глядя в сторону. – И никакой я не Серега. Можно, я пойду?

– Ага, – сказал Борис Иванович. – Не Серега, ясно. Значит, ошибочка вышла. И в десанте, наверное, не служил, да?

– Да, – сказал Казаков, делая шаг в сторону газона, – не служил. Я радистом был. В штабе дивизии РВСН, под Йошкар-Олой.

– Ага, – повторил Рублев и, снова схватив его левой рукой за плечо, правой сдвинул вверх засаленный рукав мятой рубашки, обнажив предплечье. – А это что – родимое пятно?

«Родимое пятно» представляло собой выцветшую и поблекшую татуировку в виде эмблемы ВДВ с надписью «ДШБ». Казаков равнодушно посмотрел на нее и снова отвел взгляд.

– Это так, – сказал он, – баловство. По молодости перед девками хвастался...

– А я вот из десанта, – доверительно сообщил Борис Иванович, волоча его к правой передней дверце машины. – В Афгане воевал. И там, в Афгане, Серега Казаков, с которым я тебя спутал, мне однажды жизнь спас. Он тогда многих, считай, с того света вытащил, ну, и меня со всеми заодно. У него, помню, такая же татуировка была, и на том же самом месте. Такие татуировки, чтоб ты знал, дорогого стоят, ребята за них кровью платили, а иные так и жизнью. А ты – перед девками хвастаться... Нет, приятель, так не пойдет! За такие вещи рано или поздно отвечать приходится, вот ты мне сейчас и ответишь...

Казаков рванулся, пытаясь высвободиться; несмотря ни на что, он оказался еще довольно сильным, но Борис Иванович был сильнее.

– Ну?! – сказал он требовательно, свободной рукой распахивая дверцу. – Дрыгаться не надо, помну. Сел, живо! Я тебе покажу баловство, дурилка картонная...

Казаков не столько сел, сколько упал на сиденье. Борис Иванович закрыл за ним дверь, обошел машину спереди, сел за руль и воткнул передачу. Машина тронулась, в зародыше ликвидировав уже начавшую образовываться пробку, и снова стала, доехав до светофора, на котором опять загорелся красный.

Борис Иванович до упора опустил стекло слева от себя. Он не был брезглив, но в тесном замкнутом пространстве автомобильного салона исходившее от бывшего взводного амбре буквально кружило голову. Казаков, воспользовавшись остановкой, взялся за дверную ручку с явным намерением задать стрекача.

– Сидеть, – сказал ему Рублев. – Что это ты задумал, Серега? Зачем этот цирк?

Сергей обмяк в кресле.

– Отпустил бы ты меня, Иваныч, – сказал он с тоской, глядя в боковое окно. – На что я тебе нужен?

– На органы, – проворчал Борис Иванович, плавно выжимая сцепление. На светофоре загорелся желтый, машина не столько тронулась, сколько сорвалась с места, как и все остальные машины вокруг нее, и, набирая скорость, понеслась вперед, будто участвуя в сумасшедшей гонке на выживание. Столичный стиль вождения не предусматривает высадки пассажиров на ходу, но Рублев все равно оставался начеку, краешком глаза наблюдая за Казаковым: бывший или не бывший, спившийся или нет, он был десантник и мог-таки поднести неожиданный сюрприз. – Ты, Серега, не темни, а скажи прямо: что, тебе неприятно меня видеть, не хочется со мной говорить? Я тебя обидел чем-то?

– Мне себя неприятно видеть, – все так же глядя в окно, откликнулся Сергей. – А ты... Да, командир, на тебя у меня зуб имеется.

– За что?

– За ту гранату. Помнишь? Если б не она – вернее, если б не ты, – лежал бы я сейчас в земельке и горя не знал... На том перекрестке направо поверни.

– Зачем?

– Ко мне поедem. Или ты меня в таком виде хочешь в кабак пригласить? Там, за углом, гастронм, возле него тормозни. Я как раз за поддачей шел...

– За добавкой, – уточнил Борис Иванович, включая указатель поворота.

– Осуждаешь?

– А что я про тебя знаю, чтобы осуждать? – пожал плечами Рублев. – Вижу, что надлюмился, так ведь, наверное, не без причины. Мужик ты был крепкий, правильный, без червотчины. И, раз сломался, значит, ударило тебя сильно. И как я могу тебя судить? Знаю, как жизнь бить умеет, потому и не сужу. Но и ты меня, пожалуйста, пойми. Русские своих в бою не бросают...

– Ты еще веришь в эти сказки?

– Для меня это не сказка, – строго напомнил Рублев.

– Да, это факт... – согласился Сергей. – В этом-то и беда. Только я не ранен, и помощь твоя мне, извини, не требуется.

– Бабушке своей расскажи, – грубовато ответил Рублев, сворачивая за угол. – А еще лучше ступай в собес и там огласи свою декларацию. Вот они обрадуются! Портрет твой на самом видном месте повесят и золотыми буквами напишут: «Человек, которому не нужна помощь». И цветы к нему будут по праздникам возлагать.

Казаков промолчал, но Борису Ивановичу почему-то показалось, что упоминать о возложении цветов не стоило.

– И потом, – продолжал он, спеша исправить положение, – обо мне ты подумал? Может, это не ты, а я в помощи нуждаюсь? Кругом одни неприятности, в жилетку поплакать некому, и вдруг – бах! – прямо на капоте знакомое лицо. У меня радости полные штаны, а это самое

лицо вдобавок ко всем прочим неприятностям заявляет: я, мол, тебя не знаю и шел бы ты, дядя, своей дорогой!

– Сдается мне, не пошили еще ту жилетку, в которую ты плакать станешь, – с сомнением заметил Казаков. – Впрочем, как знаешь. Охота тебе с алкашом возиться – возись на здоровье. Только имей в виду, дело это неблагодарное. У нас, алкашей, ни совести, ни стыда, это тебе любой скажет. Алкогольная деградация – слышал про такого зверя?

– Словесный понос, – прокомментировал это выступление Рублев. – Нужна мне твоя благодарность как собаке пятая нога. Ты эти откровения для общества анонимных алкоголиков побереги, а меня уволь – уши вянут...

– Стой, стой, магазин проехали! – всполошился Сергей.

– Не мельтеши, все нормально. Не дам я тебе засохнуть.

Оторвав от баранки правую руку, Борис Иванович открыл бардачок, в глубине которого блеснула темным янтарем бутылка «Хенесси».

– Кучеряво, – сказал Казаков и хмыкнул. – Хотя... Это, знаешь, случилось со мной пару лет назад одно происшествие... Не гони, вон на том перекрестке опять направо... Так вот, подходит ко мне около магазина один тип – по виду типичный америкос, в шортах ниже колена, в пестрой распашонке, в панамке и с цифровой камерой на пузе, а по-русски шпарит почти без акцента. Эмигрант, в общем. Лет ему, наверное, под шестьдесят или даже больше... ну, неважно. Сует мне пятачку и говорит: помоги, говорит, водку выбрать. Я ему: ты чего, мужик, что ее выбирать? В магазине полки ломаются, бери – не хочу! Магазин, говорю, приличный, здесь паленого дерьма не держат, не водка – божья слеза! Пей сколько влезет, а наутро будешь как огурчик. А он мне: так в этом же, говорит, и загвоздка! Водка, говорит, стала не водка, а не разбери-поймешь что: пьешь ее, как воду, и никакого видимого эффекта. А вот знакомый, говорит, в прошлом году привез из России пару бутылок, так это ж, говорит, был настоящий праздник души! Хватил рюмку-другую, и повело куролесить! И наутро полный букет ощущений: и мутит, и башка трещит, и давление зашкаливает, и в глазах двоится... Вот это, говорит, водка, прямо как встарь!

– Ну?! – весело изумился Рублев, весьма довольный тем, что разговор все же завязался, пускай и на такую явно скользкую тему, как качество русской водки.

– Ей-богу, так и сказал. Ну, я и отвел его за угол, к киоску, где тетка Вера из-под прилавка паленкой приторговывала. Уж и не знаю, выжил он после этого или нет. Но, если выжил, наверняка остался доволен: у тетки Веры не водка, а настоящий динамит, с первой рюмки крыша набекрень... Вон в тот проезд давай, уже почти приехали...

Он опустил стекло со своей стороны, вынул из кармана разрисованную камуфляжными пятнами пачку сигарет без фильтра и закурил. Настроение у него заметно поднялось, и Борис Иванович заподозрил, что этот прилив бодрости и оптимизма вызван зрелищем лежащей в бардачке бутылки дорогого коньяка. Думать так о боевом товарище было неловко и грустно, но это, увы, здорово смахивало на правду.

Сигарета, которую курил Сергей Казаков, воняла так, словно была набита дубовыми листьями пополам с сушеным навозом, но Рублев был этому даже рад: смрад тлеющей ядовитой смеси, которую производители имели наглость именовать табаком, успешно забивал тосливый кислый запах грязи и запущенности, которым тянуло от пассажира. Следуя его указаниям, Борис Иванович медленно вел машину по лабиринту междворовых проездов, перебирая в уме свои полезные знакомства в поисках человека, который помог бы вернуть Сереге Казакову человеческий облик.

С затянутого серыми облаками неба начал сеяться мелкий теплый дождик, ветровое стекло стало рябым от капель. Брызги залетали в салон через открытые окна, приятно холодя кожу. Одни благие намерения были забыты ради других, куда более важных, но ведущих в том же направлении – напрямик в пекло. «Здесь», – сказал Казаков. Борис Иванович остановил

машину и под усилившимся дождиком вслед за своим бывшим взводным нырнул в подъезд, неся под мышкой бутылку дорогого коньяка и даже не подозревая, что над головой у него уже начали сгущаться тучи, куда более густые и темные, чем те, что висели в данный момент над Москвой.

* * *

Участковый был совсем молодой, явно сразу после школы милиции, невысокий, коренастый, круглолицый и белобрысый. На новеньких погонах поблескивали лейтенантские звездочки, а дерматиновая папка на «молнии», которую он держал под мышкой, распространяла острый, легко ощутимый в радиусе двух метров запах большой химии, из чего следовало, что ее купили буквально на днях. Лейтенант заметно смущался и оттого держался нарочито строго и официально. Его хотелось дружески похлопать по плечу, а то и погладить по стриженной макушке, предложить чувствовать себя как дома и угостить чаем с вареньем, а еще лучше – молоком.

Впрочем, Борису Ивановичу не стоило большого труда сдержать этот неразумный порыв. Находясь при исполнении, сотрудники милиции почему-то особенно болезненно воспринимают любые посягательства на свои погоны, которые, как известно, располагаются у них именно на плечах. Да и явился этот мальчишка сюда явно не затем, чтобы распивать чай; судя по чрезвычайной суровости, которую он на себя напускал, дело у него было сугубо официальное и притом не особенно приятное – как, впрочем, и в подавляющем большинстве случаев, когда участковому инспектору милиции приходится посещать на дому одиноко проживающих мужчин, еще не достигших возраста, когда они уже не могут даже хулиганить.

Тем не менее чайку Борис Иванович ему все-таки предложил. От угощения участковый отказался, но на кухню прошел и там, усевшись на придвинутый хозяином табурет, принялся доставать из папки и раскладывать на краю стола какие-то свои бумаги. При этом он, не особенно скрываясь, шарил глазами по углам, явно рассчитывая обнаружить признаки антиобщественного образа жизни – грязь, пустые бутылки из-под спиртного, а то и что-нибудь похуже. Борис Иванович поставил на плиту чайник – несмотря на полученный только что отказ, из расчета на двоих, просто чтобы в случае, если лейтенант передумает, не кипятить воду вторично. Он не терялся в догадках и не строил предположений, хотя и не знал за собой никакой вины, которая могла бы послужить причиной этого визита. К чему гадать, когда ответы на все твои вопросы сидят прямо перед тобой и будут в ближайшее время озвучены, независимо от того, хочешь ты их слышать или нет? Раз мент пришел к тебе домой, он обязательно скажет, что ему от тебя надо, потому что эти ребята не из стеснительных...

– Паспорт у вас имеется? – спросил участковый, мелким старушечьим почерком вписывая в стандартный бланк какие-то сведения.

– Помнится, выдавали когда-то, – пытаюсь прощупать собеседника, сдержанно пошутил Борис Иванович.

– Хотелось бы взглянуть, – непреклонно объявил участковый, становясь еще суровее, как будто легкомысленное отношение собеседника к главному документу гражданина Российской Федерации подтвердило самые худшие его подозрения.

– Сейчас организуем, – пообещал Рублев. – А вы пока насчет чайку подумайте. Ну, и за чайником присмотрите, если вас не очень затруднит.

Участковый взглянул так, словно ему предложили станцевать стриптиз в дамском клубе с крайне дурной репутацией, но промолчал. Борис Иванович проигнорировал этот красноречивый взгляд и отправился за паспортом. Долго искать главный документ российского гражданина не пришлось: в квартире отставного майора царил истинно армейский порядок, да и

переизбытка вещей, который превращает в кошмар любую попытку быстро найти то, что вам нужно в тот или иной момент, здесь не наблюдалось.

Задвигая на место ящик, из которого только что достал паспорт, он услышал, как на кухне коротко свистнул и сейчас же замолчал чайник. Борис Иванович улыбнулся в усы: нацепив погоны лейтенанта милиции, парнишка не утратил простых, нормальных человеческих качеств. Старший по возрасту попросил его присмотреть за чайником; чайник закипел, и паренек его выключил, не побоявшись унизить тем самым свой высокий статус представителя власти. Впрочем, особенно обольщаться не следовало: мальчуган служил еще совсем недолго, процесс превращения человека в столичного милиционера был в самом начале, и оставалось только гадать, каким окажется конечный результат. Эта служба накладывает на личность неизгладимый, заметный едва ли не с первого взгляда отпечаток; видимо, без этого не обойтись, но нужно иметь очень твердый внутренний стержень, чтобы, служа в милиции, не поддаваться соблазну, не дать слабину и не превратиться в чудовище, в народе для краткости именуемое ментом поганым (и зачастую, увы, именуемое по заслугам).

Повернувшись к двери, он обнаружил, что участковый стоит на пороге, с прежним настороженным любопытством поглядывая по сторонам. С его стороны это было не слишком вежливо, но зато вполне разумно: в конце концов, выпить с хозяином на брудершафт он еще не успел (да, надо полагать, и не собирался) и по долгу своей нелегкой службы просто обязан был подозревать, что тот может вернуться на кухню не с паспортом, а с топором или заряженным охотничьим ружьем.

Борис Иванович вручил ему паспорт, но лейтенант еще немного помедлил, глядя на висящие на стенах фотографии. Эти снимки могли рассказать о хозяине квартиры больше, чем любые слова, и Рублев уже не впервые подумал, что их надо бы снять и убрать подальше от посторонних глаз. Предаваться воспоминаниям можно и с фотоальбомом на коленях, а этот вот мальчишка, к примеру, уже, наверное, сделал на основании увиденного определенные выводы и поставил диагноз: афганский синдром. Неуравновешенная, расшатанная войной психика, нервные срывы, и все это – на фоне отличной боевой подготовки и мастерского умения убивать и калечить людей... Ничего не скажешь, хорош подарочек для участкового, который только что вступил в должность!

Они вернулись на кухню. Внимательно изучив паспорт, лейтенант вернул его Борису Ивановичу и внес еще какие-то данные в свой протокол. Пока он писал, старательно водя по бумаге шариковой ручкой, Рублев заварил чай и уселся напротив. За окном брезжил тусклый серенький полусвет, полдень больше напоминал вечерние сумерки; потом пошел дождь, стало еще темнее, и Борис Иванович, поднявшись с табурета, включил свет. На кухне сделалось очень уютно – в самый раз для дружеских посиделок под шум дождя, – но официальный вид гостя и разложенные с краю стола бумаги к посиделкам, увы, не располагали – скорее уж они наводили на не слишком приятные мысли о возможной отсидке.

– Так что же это получается, Борис Иванович? – закончив писать, задал риторический вопрос участковый.

При этом он устремил на Рублева строгий, требовательный взгляд и сделал паузу, явно ожидая ответа.

– А что, собственно, получается? – поинтересовался тот.

– Общественный порядок нарушаем, вот что у нас с вами получается, – сообщил лейтенант.

Рублев глубокомысленно наморщил лоб.

– Что-то не припоминаю, – сказал он, – чтобы мы вместе с вами нарушали общественный порядок.

– Да нет, – вздохнул участковый, – вы его один нарушали, без меня. И я бы на вашем месте с этим не шутил. Плохо может кончиться, уважаемый. На вас коллективная жалоба поступила, вы в курсе?

– Признаться, нет, – сказал Борис Иванович.

Он был удивлен, поскольку всегда старался жить с соседями в мире и согласии – то есть придерживался вежливого нейтралитета, по мере возможности избегая любых форм чересчур тесного общения, будь то совместное распитие или громкое, на весь двор, выяснение отношений. Соседи обычно платили ему полной взаимностью; правда, в последнее время он начал замечать косые, вороватые взгляды, а при встречах на лестнице или во дворе некоторые из соседей старались, торопливо кивнув, поскорее проскочить мимо. Он не обратил на это внимания, решив, что становится мнительным; теперь выяснялось, что дело тут вовсе не в его мнительности, а в чем-то другом.

– Шумите, – с укоризной сказал участковый, – сквернословите. На человека напали...

– На какого человека?

– А на стоянке, помните? Вы с ним еще место на парковке не поделили... Вы понимаете, что, если он напишет заявление, вам грозит ответственность – возможно, даже уголовная?

– Ага, – сказал Рублев, разливая чай. – Вот откуда ветер дует! До чего же интересные на свете бывают люди! Вам с сахаром?

– Да, если можно, – сказал лейтенант, забыв о том, что пять минут назад гордо отказался от угощения. – Так что насчет драки, Борис Иванович?

Комбат подвинул к нему сахарницу, закурил и ненадолго задумался, помешивая ложечкой в чашке. Ситуация получилась и впрямь интересная – вернее сказать, неожиданная. В самом деле, от подполковника ФСБ можно было ожидать чего угодно, но только не такой мелочной, обывательской, прямо-таки старушечьей мести. Это ж надо – коллективная жалоба! Не поленился обойти соседей – кому позолотить ручку, кого пугнуть служебным удостоверением, – собрал подписи и состряпал кляузу... Ай да подполковник!

– Честно говоря, не понял вопроса, – сказал он наконец. – Я так понимаю, что картина вам ясна. Есть коллективная жалоба, есть показания свидетелей... возможно, есть даже справка о побоях, полученных вашим так называемым потерпевшим. Побоев-то никаких не было, но справку взять – это же раз плюнуть. Особенно для человека, который сумел уболтать столько народу дать ложные показания в письменном виде. Я так понимаю, что в этих показаниях нет ни слова ни про то, кто именно затеял потасовку, ни про пистолет, ни про стрельбу...

– Какой пистолет? – насторожился участковый.

– Травматический. Из которого мне чуть башку не отстрелили. Но этого, понятно, никто не видел, а потому и обсуждать данную тему вряд ли стоит. Мои голословные утверждения против коллективной жалобы и свидетельских показаний – это же тьфу, верно? И после этого ты, лейтенант, еще спрашиваешь, что насчет драки... Да ничего! Не было драки, а было мелкое недоразумение. Которое я, между прочим, хотел уладить миром – по-человечески, по-мужски. Даже бутылку для этого случая припас. А потерпевший твой пропал, как в воду канул. А родственник его, у которого он тут гостил, молчит как партизан. Думает, наверное, чудак, что я его свояку эту бутылку собираюсь в задний проход завинтить. Я бы, конечно, и не против – чтобы, значит, было за что страдать, – да мारаться неохота. Вот в общих чертах и все, что я могу сказать по поводу драки. А что до коллективной жалобы, так ты собери своих жалобщиков в кучу, и пусть они мне прямо в глаза повторяют то, под чем сдуру подписались. Я понимаю, у тебя служба: раз жалоба есть, обязан реагировать. Ну, так реагируй! Зачем пришел-то – не арестовывать меня, надеюсь?

– Провести беседу, – едва заметно поморщившись, сказал лейтенант.

– Валяй, проводи, – разрешил Борис Иванович. – Да чай пей, а то совсем остынет.

Участковый машинально хлебнул чаю.

– А скажите, – произнес он осторожно, – только честно: это правда, что вы один его машину передвинули?

– Это он говорит? – уточнил Борис Иванович.

– Нет, это так, один бомж... Так, говорите, пистолет? Вот, значит, что он искал в помойке...

– Если бомжу все это не привиделось с пьяных глаз, – снова уточнил Рублев, хлебнул чаю и затянулся сигаретой.

– Вот видите, – окончательно оттаял лейтенант, – вы же сами все понимаете...

– Собачья у тебя работа, – посочувствовал ему Борис Иванович. – Все видишь, а сделать ничего не можешь, потому что бумажка сильнее. Кто первый настроил, тот и прав. Да если б я его хоть разок по-настоящему двинул, ему бы уже и писать-то нечем было. Ладно, не обращай внимания, лейтенант, это я так, к слову... Где тут у тебя расписаться?

– Вот тут, – участковый ткнул пальцем в протокол.

– Надеюсь, это не признательные показания?

– Да вы прочтите, я же не против...

Борис Иванович быстро пробежал бумагу глазами и усмехнулся.

– Впредь не повторится... – пробормотал он. – Что ж, по сути все верно, хотя по форме... гм... как-то... Вроде я и впрямь виноват.

– Вы же сами понимаете, – повторил участковый, глядя, как он ставит под протоколом беседы размашистую подпись. – Хотите совет? Если он все-таки напишет заявление, с вас возьмут подписку о невыезде. Так вот, пока он думает, я бы на вашем месте уехал из города. Что вы, в самом деле, тут сидите? Лето на дворе, море зовет... Да сейчас везде хорошо...

– Кроме Москвы, – подсказал Рублев. – Сговорились вы, что ли? Вот не было печали...

– И не тяните, – собирая бумаги, посоветовал участковый. – Да, и с соседями как-нибудь... В общем, постарайтесь обойтись без выяснения отношений.

– Делать мне больше нечего, – проворчал Борис Рублев.

Когда участковый ушел, он безо всякого удовольствия допил чай и некоторое время курил, глядя в окошко, за которым все еще шел спорый, частый летний дождь. Потом в дверь опять позвонили. Оказалось, что это явился с извинениями один из соседей: не держи зла, Иваныч, но ты же сам все понимаешь... Отметив про себя, что сегодня окружающие слишком часто вызывают к его понятливости, Борис Иванович постарался извлечь из ситуации максимальную выгоду. Визитер, выступавший, как выяснилось, от имени всех остальных соседей, подписавших пресловутую коллективную жалобу, имел недурные связи, и Рублев, без зазрения совести воспользовавшись его неловким положением (поделом вору мука, нечего было кляузы подписывать), попросил его похлопотать насчет трудоустройства и, если понадобится, лечения Сергея Казакова. В другое время сосед наверняка счел бы такую просьбу чрезмерно обременительной, но сейчас он воспринял ее с видимым облегчением. Наверное, он ожидал, что Борис Иванович потребует от него дать правдивые показания против подполковника ФСБ Михайлова, и не знал, как от этого отвертеться, потому и обрадовался, когда вместо этого справедливого требования прозвучала пустяковая, по большому счету, просьба. Они расстались довольные друг другом, и каждому при этом казалось, что он заключил чертовски выгодную сделку. Сосед был во многом прав, Борис Иванович ошибался, но с некоторых пор это перестало иметь принципиальное значение, поскольку события уже свернули в колею, которая должна была увести его очень далеко от склочного подполковника ФСБ Михайлова.

Глава 5

Запыленный после долгой поездки по грунтовым проселочным дорогам джип въехал в распахнутые настежь тесовые ворота и остановился посреди ровного, заросшего шелковистой травой двора, который, не происходи дело в российской деревне, вернее всего было бы назвать газоном.

Собственно, деревня отсюда была не видна. Если выйти за ворота, можно было разглядеть над верхушками приречного ивняка пару черных от старости, испещренных изумрудными заплатами мха шиферных крыш да полуразрушенную, с провалившимся куполом колокольню заброшенной деревенской церквушки. Ветер изредка доносил с той стороны собачий лай, тарахтенье мотоциклетного двигателя или запыленное кукареканье перепутавшего время петуха, но на эти звуки можно было не обращать внимания, и, если специально не смотреть в сторону деревни, было легко представить, что ее нет совсем.

Дом стоял посреди двора и был именно таким, каким его описывал Бородин: просторный, крепкий, бревенчатый, обшитый свежими досками, с резными наличниками и просторной верандой, на которой, должно быть, было очень приятно посидеть вечером одному или в приятной компании, потягивая чаек... ну, или что-нибудь другое. Новенькие окна приветливо поблескивали отмытыми до скрипа стеклами, над домом склонилась, шумя листвою, старая могучая береза. У стены сарая громоздилась, уходя под самую крышу, поленница дров, крышка запертого на замок колодца блестела свежей краской. Дом стоял на невысоком пригорке, что полого спускался к тихой, медлительной реке, и стоявшие под навесом около сарая весла намекали на наличие в хозяйстве лодки. В целом это место здорово смахивало на уголок рая – по крайней мере, в представлении Сергея Казакова, который только что выбрался из джипа и стоял, озираясь по сторонам, как турист, впервые очутившийся среди циклопических каменных статуй и колонн древнего Луксора.

Казаков был непривычно трезв, выбрит почти до блеска и одет в свой единственный приличный костюм – тот самый, в котором гулял на собственной свадьбе, а потом хоронил жену и сына. Пиджак стал ему великоват и слегка помялся, неумело завязанный галстук сбился на сторону, а прическу не мешало бы подровнять, но запавшие глаза смотрели с осунувшегося, незагорелого лица с выражением живого, трезвого любопытства.

– Ну как, Серега, нравится? – хлопнув его по плечу, поинтересовался Бородин. На его одутловатой поросыщей физиономии сияла довольная улыбка, он с видимым наслаждением полной грудью вдыхал чистый, напоенный ароматами заречных лугов воздух и вел себя по-хозяйски, словно все это великолепие по праву принадлежало ему, а может быть, даже и было им собственноручно создано.

– На первый взгляд ничего, – скрывая граничащее с восторгом изумление, уклончиво ответил Казаков. Положа руку на сердце, в глубине души он боялся подвоха и ожидал увидеть развалюху с выбитыми окнами, худой крышей и сгнившим полом, но действительность оказалась похожей на сказку. – Надо бы осмотреться, что ли, нельзя же так, с бухты-барахты...

Водитель джипа, крепкий, слегка погрузневший мужчина лет пятидесяти, с квадратным загорелым лицом и короткой стрижкой, выбрался из-за руля и направился к крыльцу, на ходу разбирая брэнчащую связку ключей. Он был одет в камуфляж, даже майка, что обтягивала широкую грудь и крепкий округлый животик, была разрисована маскировочными полосами и пятнами; картину немного портили цивильные кожаные туфли, которые так и подмывало назвать штиблетами, но в целом хозяин усадьбы все равно производил впечатление отставного военного – возможно, всего лишь прапорщика, но очень может статься, что и полковника. Представился он Андреем Константиновичем; фамилии его Сергей не разобрал, да она его и не интересовала: в том, что касалось чисто деловой, официальной стороны дела, он целиком и

полностью полагался на Бородин. А почему бы и нет? Свет не без добрых людей, и за черной полосой в жизни, как правило, следует светлая. Вот и для Сергея Казакова, кажется, настало просветление: и старого друга встретил, и новым обзавелся, и оба готовы помочь. Правда, Иваныч остается в своем репертуаре: вся жизнь у него как бой, и держится он все время так, словно доводит построенному в каре батальону боевую задачу. Не можешь – научим, не хочешь – заставим, вот и весь его разговор. По-своему он прав и, конечно же, желает Сергею только добра. Но он предлагает стиснуть зубы, взять себя в руки и начать жить с чистого листа, с нуля. Знал бы он, как это трудно, почти невозможно! Да и смысла в этом особенного что-то не видать – по крайней мере, пока.

А вот Леха Бородин подыскал другое решение проблемы, предоставил Сергею тихую гавань, где он может жить по собственному разумению и делать что хочет: хочешь – гробь себя дальше наедине со среднерусской природой, а хочешь – залижи раны и по совету комбата начинай жить по-новому. Вот в этом и заключается главное преимущество его предложения: оно дает Сергею отсрочку, время на размышления и нисколько не противоречит тому, что предлагает Борис Иванович. Со временем, возможно, Сергею захочется вернуться к людям, а сейчас ему хочется побыть одному...

Он вдруг понял, что в душе уже окончательно согласился на переезд и хочет только одного: чтобы все формальности как можно скорее остались позади, и хозяин вместе с Бородиным уехал обратно в Москву, оставив его обживать на новом месте, в которое он, кажется, влюбился с первого взгляда. Да и мудрено ли влюбиться, когда тут такая благодать! И простор, и воздух, и речка, и береза ласково так шумит, и дом – загляденье, и, главное, кругом ни души... Эх, хорошо!

Собственно, формальности как таковые уже были позади. Во все подробности сложной многоступенчатой сделки, которую Леха Бородин провернул через знакомого риелтора, Сергей не вникал. Два часа назад он поставил свою подпись на документе, согласно которому его московская квартира переходила кому-то другому; ощущение было не из приятных, утешало одно: упомянутый документ все еще оставался при нем и, если бы его что-то вдруг не устроило, Сергей мог в любой момент разорвать эту бумажку в клочья вместе со всеми подписями и печатями нотариуса.

Но пока что его все устраивало, и он с нетерпением следил за тем, как хозяин в камуфляжном костюме, позвякивая ключами, отпирает дом. Справившись с этой ответственной задачей, он распахнул дверь и отступил в сторону, приглашая гостей войти, а сам спустился с крыльца и отправился открывать колодец – надо полагать, затем, чтобы продемонстрировать хваленое качество здешней воды, а заодно и исправность немудреного механизма, при помощи которого Сергею предстояло добывать ее из земных недр. За все это время он не проронил ни словечка, не предпринял ни единой попытки расхвалить свою собственность, и Сергею это импонировало: ему нравились люди, умеющие молчать и понимающие, что простые, настоящие вещи говорят сами за себя лучше всяких слов.

Он вздохнул, наслаждаясь покоем. Все здесь как раз и было простое, настоящее, не требующее украшений и словесной шелухи, скрывающей изъяны. Он прошелся по светлым и чистым, скудно обставленным комнатам, одобрительно похлопал ладонью по беленому боку русской печки и снова вышел на крыльцо, почти не слыша болтовни Бородина, который не уставал восторгаться окружающим и громогласно завидовать Сергею, который может себе позволить удалиться от московской суеты и жить отшельником.

Во дворе его дожидался хозяин. Он показал сарай, где, помимо топлива на зиму, рыболовных снастей и хозяйственного инвентаря, обнаружился исправный скутер с залитым под пробку баком, объяснил, где находится магазин (в полутора километрах по дороге, ближе, елки-палки, чем в городе), и угостил Сергея колодезной водой. Вода была ледяная, кристально чистая и, как показалось Казакову, сладкая; от нее сразу заломило между бровями, но ее все

равно хотелось пить еще и еще, и Сергей с удивлением поймал себя на мысли, что, возможно, станет с удовольствием употреблять ее вместо своего излюбленного напитка – портвейна.

– Ну, мужики, решайте что-нибудь, – сказал наконец хозяин, демонстративно посмотрев на часы. – Да – да, нет – нет... У меня дел неувпоровот, да и кроме вас покупатели имеются...

Бородин посмотрел на Сергея.

– Да, – рассеянно ответил тот, борясь с желанием улечься на спину посреди двора, разбросать руки крестом и просто смотреть в безоблачное голубое небо. – Да, конечно. Меня все устраивает. Отличное место, и дом отличный.

– Нам скрывать нечего, – с удовлетворением заявил хозяин. – Как говорится, товар лицом. Ну, айда в дом – разберемся, что к чему, посчитаемся...

– Да, без этого никак, – поддакнул Бородин. – Дружба крепче, когда денежки посчитаны.

Они уселись за круглый стол в большой комнате, над которым висел старый, но чистенький зеленый шелковый абажур с бахромой. Бородин торжественно водрузил на середину стола свой атташе-кейс и шелкнул замочками.

– Вуаля, – провозгласил он, обеими руками выкладывая на стол толстые пачки банкнот. – Айн, цвай, драй... Считайте, Андрей Константинович, считайте, уважаемый! Денежки счет любят, а то скажете потом, что москвичи вас надули!

– Ну, раз вы сами предлагаете... – Хозяин усмехнулся, взял наугад одну из пачек, разорвал бандероль, посмотрел на свет одну купюру, другую и начал неожиданно ловко, прямо как банковская машина или матерый валютчик, пересчитывать деньги. Серовато-зеленые бумажки так и мелькали в его толстых, неуклюжих с виду пальцах. – Опыт, – сказал он, поймав на себе изумленный взгляд Сергея. – Я, брат, еще до дефолта девяносто восьмого года бизнесом позаниматься успел – по мелочи, конечно, купи-продай, но руку, как видишь, набил... – Он возобновил счет и, закончив, удовлетворенно кивнул: – Порядок, Москва. Так, сколько тут у нас?..

Он пересчитал пачки, сложив из них что-то вроде миниатюрной крепостной стены, потом снова взял одну и пробежался большим пальцем по срезу.

– Порядок, – повторил он уверенно и отодвинул деньги к середине стола. – Теперь бумаги. Вот купчая, оформлена честь по чести, можете убедиться. Вот это справка из администрации о том, что я – единственный владелец и никакие претенденты не объявятся, вот домовая книга... ну, словом, все, что положено.

Бородин принялся внимательно, с придирчивостью, которая заставила Сергея испытать легкую неловкость за него, изучать бумаги. Пока он читал, а Казаков следил за выражением его лица, деньги со стола как-то незаметно исчезли. Видимо, хозяин не лгал и не преувеличивал, когда говорил, что давно перешел с деньгами на «ты». Казаков его за это не осуждал: каждый выживает, как умеет, – но его неловкость прошла, поскольку была здесь явно неуместной: люди совершали сделку, а в такие моменты не до деликатности и прочего политеса.

– Так, а где дарственные на лодку и... Ага, вот, вижу. Это лодка, это скутер... подписи, печати... – Бородин несильно прихлопнул ладонью лежащую на столе стопку бумаг. – Да, все в полном порядке. По крайней мере, с виду.

– Ну, я ваши баксы тоже в ультрафиолете под микроскопом не разглядывал, – напомнил Андрей Константинович.

– Верно, верно. – Бородин рассмеялся. – В самом деле, границы должно иметь все, даже бдительность и осторожность.

– Тем более что мы знаем, где друг друга найти, – добавил хозяин.

– Вот именно! Поэтому предлагаю считать сделку состоявшейся.

– Принято, – сказал Андрей Константинович.

– Вот, Серега, – сказал Бородин, обеими руками торжественно кладя на скатерть перед Казаковым тощую пачку украшенных гербовыми печатями бумаг, – теперь все это твое. Да, и еще тебе просили передать...

Он снова щелкнул замочками кейса. Андрей Константинович встал из-за стола и деликатно удалился на кухню, чтобы не мешать людям закончить между собой свои дела. Оттуда послышался стук деревянных дверей и звяканье стекла. Алексей Иванович открыл кейс и опять принялся выкладывать на стол деньги – много, гораздо больше, чем получил хозяин дома.

– Вот, – повторил он, придвигая денежную гору к Сергею, – это тоже тебе. Здесь рыночная стоимость твоей квартиры за вычетом стоимости этого дома и небольшого процента, который берет риелторская фирма. Можно было обойтись без них, но за скорость приходится платить. Домик мог уплыть в чужие руки, а домик-то хорош! Даже завидно, ей-богу.

– Спасибо тебе, Леха, – бережно, как некую драгоценность, беря в руки купчую на дом, произнес Казаков. Голос у него дрогнул, глаза подозрительно блеснули. – Даже не знаю, как тебя благодарить. Ты мне, считай, новую жизнь подарил...

– Благодарить тебе надо не меня, а человека, который все это устроил, – благодушно поправил Бородин. – Я же говорил, риелтор риелтору рознь. Или, другими словами, не каждый риелтор – жулик, и не каждый жулик – риелтор. Только, Серега, «спасибо» на хлеб не намажешь...

– Вот баран! – Казаков звонко хлопнул себя ладонью по лбу. – Совсем ополоумел от радости, ничего не помню! Извини, Леха, сейчас. Сейчас все будет в порядке, одну секундочку...

Он торопливо полез за пазуху, извлек оттуда и обеими руками старательно разгладил на столе уже слегка помявшиеся документы на квартиру.

– Вот, – сказал он, – держи, передай, кому там оно...

– Всенепременно, – торжественно заверил его Бородин, забирая бумаги. Просматривать их он не стал, поскольку лично присутствовал при подписании, да и нотариус, который их оформил, был ему хорошо знаком. Он уверенно вел дело к заранее предрешенному исходу, и этот красивый жест – взять документы, даже не взглянув, не убевившись, те это бумаги или не те, – должен был еще больше расположить к нему клиента. – Передам в лучшем виде, не беспокойся. Ты деньги-то приberi, Серега, от чужих глаз. Как говорится, подальше положишь – поближе возьмешь.

С этими словами он вынул из кейса и протянул Казакову через стол заранее припасенный черный полиэтиленовый пакет.

– Да ну, – запротестовал Сергей, тем не менее послушно начиная сгребать обандероленные пачки в пакет. – Мужик вроде нормальный...

– Все мы нормальные, пока большими бабками не запахнет, – назидательно возразил Алексей Иванович, пряча бумаги в кейс и убирая его со стола. – Ты когда-нибудь видел настоящему крупную сумму, чтобы деньги лежали кучей на столе – протяни руку и бери? Я имею в виду, до сегодняшнего дня – видел?

– Да нет, – пожал плечами Казаков, – как-то не приходилось. Я ведь человек военный, откуда в армии крупные суммы, да еще и прямо на столе?

– А вот я видел, и не однажды. И каждый раз испытываешь такое, знаешь, гаденькое волнение, искушение дьявольское: а может, рискнуть? Схвачу и дам деру – авось не догонят. Самый первый раз, помню, едва-едва с собой совладал. Деньги, Серега, хуже героина. Легко оставаться честным, когда соблазна нет! А когда он есть, с ним не каждый справится. И потом, при современном упадке морали многие рассудят так: а зачем справляться с соблазном – чтобы остаться бедным, но честным? Ха! С нами-то справиться легче, чем с искушением! Возьми, к примеру, обыкновенную охотничью двустволку, заряди ее жаканом, войди в комнату и пальни – сначала в тебя, ты поздоровее, да и приемчики знаешь, а потом в меня. Два раза нажал, и денег полные карманы – чем плохо? Так что убери ты их от греха – вон хотя бы и под стол. Зачем человека лишний раз в искушение вводить? Откуда ты знаешь, кто он есть и что у него на уме? А денежки-то серьезные, тебе их до старости хватит. Машину купишь

хорошую – джип, по здешним дорогам без него не больно-то разъездишься, катер моторный... да все, чего душа пожелает. Эх, мне б так пожить хотя бы годик!

– А ты приезжай, – предложил Сергей. – Хотя бы на выходные. Я тебя с комбатом своим познакомлю – мировой мужик, тебе понравится.

– Непременно, – пообещал Алексей Иванович. – Еще надоем... А вот и хозяин!

– Был хозяин, да весь вышел, – сказал Андрей Константинович, входя в комнату. В руке у него была закрытая полиэтиленовой крышкой молочная бутылка, наполненная прозрачной, как слеза, жидкостью. – Вон он, хозяин, за столом сидит, глазами хлопает... Что, опомниться не можешь? Был москвич, а стал Тверской губернии помещик, отставной гвардии капитан Казаков... Звучит?

– Звучит! – вместо Сергея откликнулся Бородин. – Еще как звучит! Самому-то не жалко, Андрей Константинович?

– Жалко у пчелки в попке, – грубовато ответил бывший хозяин усадьбы, водружая бутылку на стол и, как шахматные фигуры на доску, по одной со стуком выставляя в ряд гра-ненные стопки зеленоватого стекла. – Жалко, конечно, да только на что он мне теперь, этот дом? Я его для семьи строил, а семья – фьють! – испарилась, пока я по морям-океанам плавал. Что я тут буду один болтаться, как горошина в свистке? Ну, славяне, это дело надо обмыть. Не косись, не косись, – сказал он Бородину, с сомнением смотревшему на бутылку. – Сам гнал, не водка – лекарство, бальзам! Там, в кладовке, этого добра еще литров десять, – сообщил он Сергею. – Так что тебе первое время и в магазин-то ходить не надо, разве что за жратвой...

– Да я, вообще, подумываю завязать, – неожиданно для себя признался Сергей. – Честное слово, сам не знаю, что на меня нашло, но здесь как-то... В общем, жить хочется. Спасибо тебе, Леха, еще раз, я тебе этого век не забуду.

– Не за что, – легко, шутливо ответил Бородин.

– Бог в помощь, – в отличие от него, серьезно, с сочувствием произнес Андрей Константинович, наполняя стопки. – Дело обыкновенное: дошел до края, настало время выбирать – или вперед, в могилу, или назад, в завязку. Мужик ты, вижу, правильный, хоть и крепко жизнью побитый. Ну, да это не беда, за одного битого двух небитых дают. Ничего, ты еще повоюешь! Удачи тебе, Серега! Ничего, что я так, по-простому? Ты, если что, тоже ко мне без чинов – Андрей, и все тут, или просто Андрюха, как тебе больше нравится...

– Нормально, – сказал Сергей. – Какие там еще чины...

– Тогда за знакомство, – предложил хозяин, поднимая стопку.

– Эй, эй, тпру! – весело запротестовал Бородин. – Глядите, как спелись! Уже на брудер-шафт выпивают. А за сделку-то?..

– Да погоди ты со своей сделкой, – отмахнулся Андрей Константинович. – Ты-то к этой сделке каким боком, делок? Не мельтеши, выпьем и за сделку, и за тех, кто в море...

– Ты ж за рулем, – напомнил Бородин.

– А тут, кроме тебя, на двести верст окрест никому не интересно, трезвый я за рулем или, может, выпимши, – парировал Андрей Константинович. – Не дрейфь, доставлю тебя в наилучшем виде, в целости и сохранности. Ну, Серега, давай – за знакомство, за сделку, чтоб после никто не жалел, и за то, чтоб ты на воздухе здешнем, чистом, живом, сам ожил и очистился!

– Ну вот, – пробормотал Бородин, – теперь все в кучу...

– Отличный тост, – возразил Сергей. – Спасибо, Андрюха.

– За тебя, Серега, – внес свою лепту Алексей Иванович. – Геройский ты мужик, на таких испокон веков земля держится. Жалко было бы, если б пропал... Э, а это что? Гляди, гляди! Ух ты! Ну, здоров, бродяга!

Сергей машинально обернулся к окну, в сторону которого тыкал пальцем Бородин, но ничего не увидел, кроме клочка пронзительно-синего неба и зеленого кружева ветвей старой березы в обрамлении стареньких, застиранных, но чистых занавесок.

– Что ты там увидел? – спросил он, снова поворачиваясь к столу.

– Да аист же! – возбужденно воскликнул Алексей Иванович. – Здоровенный, зараза, как птеродактиль! Я и забыл, какие они вблизи огромные...

– Эка невидаль – аист в деревне, – пренебрежительно хмыкнул Андрей Константинович, пряча что-то в карман своей камуфляжной куртки. – Вот если б и вправду птеродактиль... Давайте выпьем, что ли, чего ее без толку греть?

Сергею подумалось, что теперь он каждый день сможет видеть живого аиста, это волшебное, полузабытое зрелище из далекого детства, – и робкое, едва проклюнувшееся желание жить стало крепнуть и набирать силу. Что ж, комбат, наверное, действительно прав: десантнику не к лицу жить так, как он жил последние годы. Потери случаются и на войне, и в обычной, мирной жизни; одни потери ранят глубже и больше других, и бывает так, что винить в этих потерях тебе некого, кроме себя самого. И что с того? Вину надо пережить, а пережив, искупить, только тогда ты сохранишь за собой право называться человеком. Кто знает, какие планы у судьбы относительно твоей персоны? Сегодня ты никому не нужен и всеми забыт, а завтра, может быть, случайно спасешь человека, который потом придумает лекарство от рака, или просто посадишь дерево... Плюс одно дерево или минус один человек – что лучше? А? То-то...

Его рука почти не дрожала, когда он поднес к губам граненую стопку. Крепчайший, прямо-таки термоядерный самогон легко скользнул вниз по пищеводу и мягко взорвался в желудке, наполнив все тело ощущением приятного тепла. На обшитой светлыми сосновыми досками стене висели старенькие ходики; они стояли, и Сергей подумал, что непременно их запустит – если понадобится, свезет в город, в часовую мастерскую, но ходить они у него будут. Они будут размеренно отстукивать время, а он – регулярно подтягивать гирю и следить за тем, чтобы они шли точно...

Белый циферблат с черными стрелками вдруг расплылся перед глазами и вместе со всем остальным миром неудержимо и косо заскользил куда-то вниз и вбок. «Совсем слабый стал», – подумал Сергей и, пошатнувшись, с шумом упал со стула.

– Готов, – сказал Андрей Константинович, ставя на стол нетронутую стопку.

– Ядреное зелье, – с уважением констатировал Бородин. – Отлей граммов двести, а? У меня есть парочка знакомых клофелинщиц, так они за эту вашу отраву никаких денег не пожалеют! Из чего вы ее только гоните?

– Из ногтей алкоголиков, – сказал человек в камуфляже, плотно закрывая бутылку полиэтиленовой крышечкой. – А еще из слишком любопытных жульманов.

Последний выпад остался без ответа: теперь, без свидетелей, ради которых стоило бы ломать комедию, Алексею Ивановичу Бородину надлежало знать свое место, и он его знал. Его собеседник и деловой партнер не корчил страшных рож, не говорил замогильным голосом жутких, непотребных вещей, не скалил окровавленные клыки и вообще никогда не работал на публику. Но из тридцати пяти человек, которых Алексей Иванович передал ему с рук на руки за четыре года тесного сотрудничества, ни один не вернулся, чтобы призвать его к ответу – как, собственно, ему и обещали.

Казаков стал тридцать шестым; за каждую голову, независимо от пола, Алексей Иванович получал десять тысяч долларов США. Физическое здоровье клиентов приветствовалось, но не ставилось во главу угла; основным условием являлось отсутствие родственников, которые стали бы шуметь, теревить милицию и обращаться в передачу «Жди меня».

Человек в камуфляже – может быть, и впрямь Андрей Константинович, а может быть, и нет – уже стоял перед печью, разжигая заранее заготовленные дрова. В качестве растопки он использовал стодолларовые купюры, несколько минут назад полученные от Бородина. Алексей Иванович тоже встал, обошел стол, брезгливо переступив через спящего на полу мертвым сном Казакова в свадебном костюме, запустил руку под скатерть и извлек оттуда черный пакет с деньгами, которые передал Сергею. Качество печати было превосходное – хоть ты себе оставь,

честное слово, – но эту тему они обсудили и закрыли давным-давно, причем раз и навсегда: никаких улик, никакого риска и никаких случайностей.

Дрова в печи наконец разгорелись. Бородин взял со стола бутылку, содержащую слегка разведенный медицинский спирт, и вместе с пакетом отдал ее Андрею Константиновичу. Человек в камуфляже начал по одной доставать из пакета пачки фальшивых долларов, поливать их спиртом и бросать в огонь. Плотно прижатые друг к другу бумажные прямоугольники горели неохотно, несмотря на спирт, но это никого не беспокоило: березовые дрова и мощная тяга пребывающей в отличном состоянии русской печи должны были, как обычно, в два счета решить проблему.

– Расчет обычным порядком, – глядя в огонь, сказал человек в камуфляже. Он достал сигареты и закурил, пуская дым в печку. – Со следующего месяца расценки повышаются, будешь получать с каждой головы на три тысячи больше. Но голов тоже нужно больше, так что не расслабляйся. Отдохнешь, когда нагонишь Билла Гейтса в рейтинге журнала «Форбс». И не забывай об осторожности, проверка должна быть тщательной, как всегда: никаких родственников, никаких близких друзей и любимых девушек. То есть любимые – это на здоровье, только любящих не надо, с ними потом хлопот не оберешься. Помню, один раз...

По-прежнему глядя в огонь и дымя сигаретой, он начал рассказывать какую-то историю, но Алексей Иванович его почти не слышал. В ушах у него перекликались, отдаваясь гулким эхом, два голоса. «Никаких близких друзей», – говорил голос Андрея Константиновича. «Я тебя с комбатом своим познакомлю – мировой мужик, тебе понравится», – откликался голос Казакова.

Только комбата здесь и не хватало! Черт знает что может взбрести в голову бывшему десантнику, если он решит, что его боевой друг попал в беду! А впрочем, о десантниках слишком много болтают, и три четверти грозных слухов о себе они сами же и распускают. Вполне возможно, этот мировой мужик, бывший комбат Казакова, – просто добродушный мешок дерьма с вот таким пузом, подкаблучник с тремя детьми и трудно поддающимся пересчету, постоянно разрастающимся выводком внуков. Девять шансов из десяти, что так оно и есть, а значит, нечего раньше времени поднимать тревогу и кликать неприятности на свою голову. Ведь сразу же начнется: а куда ты смотрел, а чем думал, и за что ты, такой-сякой, у нас деньги получаешь... Тьфу! Нет уж, пусть этому камуфляжному Андрею Константиновичу о приятеле Казакова докладывает кто-нибудь другой, а Алексей Бородин побережет нервные клетки...

– Ну что ты стал столбом? – не оборачиваясь, поинтересовался Андрей Константинович. – Подгони машину к крыльцу, погрузим, пока оно тут горит. Часок подождать придется, что же ты – все это время так и будешь там торчать, как часовой у знамени части?

Алексей Иванович молча вышел из дома, забрался в успевший основательно раскалиться салон внедорожника, запустил двигатель, круто развернулся, взрывая траву, и задним ходом подогнал машину к самому крыльцу. Затем вернулся в дом и вместе с Андреем Константиновичем поднял с пола безвольно обмякшее тело бывшего десантника. При этом две пуговицы на рубашке Казакова оторвались, и в образовавшейся прорехе стал виден застиранный тельник в голубую полоску.

– С небес слетает он, как ангел, зато дерется он, как черт, – прокомментировал это событие человек в камуфляже. – Все, десантура, отвоевался, теперь тебе беспокоиться не о чем. О тебе теперь другие побеспокоятся... Ну, раз-два – взяли!

Вдвоем они вынесли Сергея Казакова из дома и бросили в багажник джипа. Перед тем как накрыть его куском грязного брезента, Андрей Константинович нашарил во внутреннем кармане его пиджака паспорт. Вернувшись в дом, он бросил паспорт в печку, в весело гудящий и потрескивающий огонь. Секундой позже туда же отправилась купчая на дом и все прочие документы, устанавливающие право собственности Казакова на здешнее движимое и недвижимое имущество. Огонь лизнул коленкоровую обложку паспорта, шевельнул странички, обведя

их черно-коричневой каймой, и начал жадно пожирать корчащуюся, словно от невыносимой боли, бумагу. Через полторы минуты паспорт превратился в невесомый пепел, а вместе с ним прекратил свое существование и бывший капитан ВДВ Сергей Сергеевич Казаков.

Во всяком случае, Алексей Иванович Бородин очень надеялся, что прекратил.

* * *

Врач был невысокий, сухопарый, с узким лошадиным лицом и редкими бесцветными волосами, льнувшими к длинному костистому черепу. В вырезе белого халата виднелась кремовая форменная рубашка без галстука, расстегнутый ворот которой позволял видеть треугольник морской тельняшки, на лбу поблескивало укрепленное на эластичной ленте круглое зеркальце с дыркой посередине, какими до сих пор пользуются отоларингологи в небогатых медицинских учреждениях.

Дюжий санитар в сероватом от старости и частых стирок халате со сноровкой, говорящей о богатом опыте, раздевал пациента, легко ворочая его, как большую тряпичную куклу. Глаза пациента были открыты, но он ни на что не реагировал. Его мятый, старомодного покроя пиджак уже лежал на полу возле кушетки; ловко ослабив узел, санитар снял с шеи пациента узкий темный галстук, швырнул его поверх пиджака и, придерживая безвольно обмякшее, все время норовящее завалиться набок тело одной рукой, другой без лишних церемоний содрал с него мятую, испачканную, пропотевшую насквозь белую рубашку. По полу с дробным перестуком запрыгали отлетевшие пуговицы, рубашка беззвучно и плавно, как миниатюрный парашют, опустилась поверх пиджака, накрыв собой похожий на дохлую змею галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.